

К $\frac{8}{В64}$

215 173

сост. К.И. Дворецкова

**ВОЛГА
В ПЕСНЯХ
И СКАЗАНИЯХ**

В 67

215173

Саратов. обл. изд.

8

К 1943

ВОЛГА В ПЕСНЯХ И СКАЗАНИЯХ

Саратовское областное издательство
1937

пр-95-86

СОСТАВИТЕЛЬ

*Библиограф Научной библиотеки
при Саратовском госуниверситете*

К. И. ДВОРЕЦКОВА

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Огромное значение произведений устного творчества как для знакомства с историческим прошлым своей страны, так и для развития ее художественной литературы неоднократно отмечалось классиками марксизма и классиками художественной литературы.

Всем, конечно, памятен горячий призыв покойного Алексея Максимовича Горького на Всесоюзном съезде писателей — призыв любить, ценить и собирать фольклор. Наше время характеризуется исключительно высоким интересом советской общественности к фольклору и к вопросу о народности в искусстве.

Настоящий сборник и имеет своей задачей познакомить широкие читательские массы с художественным отражением Волги в старинном русском фольклоре. Наряду с древнейшим устным народным творчеством, в сборник вошли произведения XVII и XVIII века, записанные не позднее второй половины XIX века.

При составлении данного сборника была использована литература, имеющаяся в Научной библиотеке при Саратовском государственном университете и в других библиотеках г. Саратова.

Сборник не претендует на исчерпывающую полноту, поскольку приходилось ограничиваться только источниками, имеющимися в г. Саратове.

Большую помощь в подборе фольклорного материала мне оказали Т. М. Акимов (Сар. Обл. музей) и Е. Т. Павловский (Пединститут). Иллюстрации подобраны при содействии А. и В. В. Леонтьевых по собраниям Художественного музея. Много содействовала выходу в свет настоящего сборника Е. П. Веселова, всегда охотно помогавшая мне в поисках материала. Составительница пользуется случаем выразить им свою благодарность за товарищескую помощь в работе.

Библиограф Научной библиотеки
при Саратовском госуниверситете К. И. ДВОРЕЦКОВА

Волга вплетена замечательными узорами в историю революции. Веками там стоял стон русского народа. Некрасов назвал Волгу „рекой рабства и тоски!“. Произвол и угнетение царей, помещиков, купцов, заводчиков породили известную песню бурлаков, песню о великих страданиях и печали обездоленных трудовых масс. Но там же, на берегах Волги, горе народа формировало сознание Чернышевского, идеолога неудавшейся крестьянской революции 60-х годов прошлого столетия, и сознание великого вождя Октябрьской социалистической революции — Ленина.

После Октября Волга стала ареной жестокой борьбы с контрреволюцией. Капиталисты и дворяне цеплялись за свое богатство, за свое право эксплуатации. Они собрали все враждебные революции силы, все отребье царской империи и пробивали себе дорогу к Волге. Через ворота Царицына белогвардейцы рвались на Москву. Тогда, в 1918 году, над Волгой появился Сталин. По поручению Ленина, он превратил Царицын в красный Верден, о который разбивались набежавшие с Дона контрреволюционные армии казачества...

В годы гражданской войны на подступах к красному Царицыну революция училась побеждать. В годы борьбы

за индустриализацию революция училась в Царицыне, переименованном в Сталинград, овладевать техникой.

Это была великая битва с отсталостью, за высокую культуру социализма. Сталин не только стоял на подступах под Царицыном. Он также стоял над конвейером Сталинградского тракторного завода и поднял страну на борьбу за овладение техникой. Если бы страна не индустриализировалась, не научилась производить тракторы, она не могла бы использовать плоды царицынских побед, она не могла бы коллективизировать сельское хозяйство и сохранить свою независимость... И тогда и теперь социализм победил. Мечта Ленина о советских тракторах впервые осуществилась на Волге.

Волга стала великой трассой индустриализации. В ее водах отражаются автомобильные, авиационные, тракторный и другие заводы, созданные революцией. Стон при капитализме сменился при социализме шумом самолетов, автомобилей, тракторов, комбайнов, шумом новых урожаев на совхозных и колхозных полях...

Над Волгой, над Сталинградом, над всеми просторами нашей родины разгораются новые огни. Поднимаются все новые и новые пласты народа. Люди растут и развиваются. Мы идем вперед, чтобы утвердить счастье человека на земле. И во главе родной страны и великого народа шагает овейанный пороховым дымом гражданской войны соратник и ученик Ленина, гениальный вождь партии, организатор победы — Сталин.

„Правда“ от 3 января 1935 г. № 3 (6249).

Из передовой „Царицынская эпопея“.

Волга. С карты Олеария. 1651 г.

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ

1. ВАЗУЗА И ВОЛГА

Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почета. Спорили-спорили, друг друга не переспорили и решились вот на какое дело. „Давай вместе ляжем спать, а кто прежде встанет и скорее придет к морю Хвалынскому, та из нас и умнее, и сильнее, и почету достойнее“.

Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убежала от Волги, выбрала себе дорогу и прямее и ближе и потекла.

Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как следует; в Зубцове догнала Вазузу да так грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшею сестрою и просила Волгу принять ее к себе на руки и снести в море Хвалынское. А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна.

2. ПРЕВРАЩЕНИЕ ДНЕПРА, ВОЛГИ И ДВИНЫ (ЗАПАДНОЙ)

Днепр, Волга и Двина были прежде людьми: Днепр—брат, а Волга и Двина—сестры. Еще в детстве остались они круглыми сиротами и, не имея куска хлеба, должны были

снискивать пропитание дневной работою, не по их силам.

— Когда это было? Очень давно,—говорят старые люди,—и прадеды наши не помнят.—Выросли братья и сестры, а счастья им все нет как нет.

— Каждый день, с утра до вечера, все работа, да работа и все из дневного пропитания. Одежда у них была, какую бог послал. Найдут лоскут в сору, и тем прикроют свое тело. Натерпелись бедные холоду и голоду; надоело им житье, хуже горькой редьки.

Один раз, после трудной работы в поле, сели они под куст доедать последний хлеба кус; съевши его, заплакали, потужили, думали и придумывали, как бы им прожить свой век и иметь свой хлеб; как бы иметь одежду, и ничего не работая, кормить и поить других.

Вот придумали: отправиться по белу свету искать талану, а от людей привету: искать и отыскивать лучших мест, где бы им можно течь большими реками,—а это было тогда вещь возможная.

Ходили они, ходили; не год, не два, а без малого три и выбрали они места и сговорились: кому где начать свое течение.

Все трое приостановились ночевать в болоте, но сестры были хитрее брата. Едва Днепр уснул, они встали потихоньку, заняли самые лучшие и отлогие места и потекли.

Проснулся поутру брат, смотрит и след простыл сестер! Рассердился он и побежал догонять их; но на дороге одумался, рассудив, что человек не может бежать быстрее реки, ударился об землю и полился догонять рекою: по рвам, по буеракам, и чем бежал дольше, тем злился больше. Не добежав за несколько верст до моря, гнев его утих, и он потом скрылся в море; а две его сестры, бежавшие от него во время его погони, разбежались по разным странам и ушли на дно моря.

Когда Днепр бежал сердито, тогда он изрыл крутые берега: от того он в течении быстрее, чем Волга и Двина; от того он имеет много рукавов и порогов.

Царев курган. С рисунка А. П. Боголюбова.

3. ОБ УРАКОВОМ БУГРЕ

На Ураковом бугре предтеча Стеньки, разбойник Урак имел свой притон.

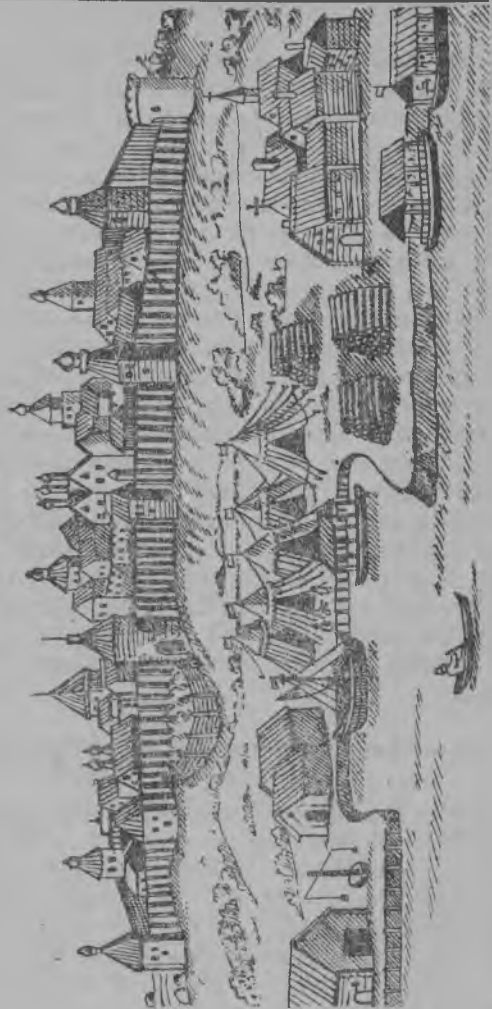
Разин, еще мальчиком, пришел с верху из Ярославля и 15-ти лет поступил в шайку Уракова кашеваром. Раз Ураков этот хотел задержать судно, а Стенька закричал: „брось—не стоит, бедно“. Ураков, не ожидая после такого замечания удачи, пропустил судно, но угрозил Разину. Проходит другое судно—Стенька опять то же.

Взбешенный атаман выстрелил в него из пистолета, но Стенька не пошатнулся, вынул из груди пулю и, отдавая ее Уракову, сказал: „на, пригодится“. Ураков от страха упал; разбойники, видя чудо, разбежались, а Стенька незаряженным пистолетом застрелил Уракова и стал сам атаманом его шайки. Ураков схоронен тут же на своем бугре и, говорят, семь лет из могилы кричал проходившим мимо судам: „приворачивай“.

4. О ЦАРЕВЕ КУРГАНЕ

В стародавнее время проходило здесь несчетное воинство неведомого царя. Место, где стоит курган, пусто было, гладью расстилалось. Захотелось неведомому царю показать свое могущество, оставить памятник отдаленнейшему потомству. Повелел он каждому воину принести на эту гладь по шапке земли и высыпать в одну кучу. Так и вырос громадный Царев курган. Много веков спустя, проходил этим местом Иван Грозный. Завидно ему стало и велел он каждому солдату своему снять с вершины кургана по шапке земли: чья-де сила верх возьмет? Долго работала его рать, только верхушку кургана сняла и прочь ушла—не могла осилить...

ZARIZA

Царицын в 1636 г. С рисунка Адама Олеария.

5. О КУДЕЯРЕ

Шел однажды лоховчанин около Кудеяровой горы; сделалось темно; он заблудился и попал в какую-то землянку, видит, в ней сидит седой старик; на вопрос старика, откуда он и что ему нужно, он отвечал, что был на Кудеяровой горе, шел в Лох и, когда стемнело, сбился с дороги; на это старик отвечал, что он на Кудеяровой горе, а Кудеяр он сам. В это время влетела громадная птица, села старику на голову и стала клевать ее до мозга; страдалец сидит и стонет: „О, господи“. Долго долбила птица голову седовласого Кудеяра, наконец улетела к рассвету; несчастный вздохнул и рассказал пришельцу, что более века, как он обречен сторожить свои сокровища в горе, и по каре божией, за разбои, каждую ночь прилетает эта огромная птица и клюет ему голову; конца не видит он этому мучению. В землянке лежит краюха хлеба, которая никогда не убывает. Кудеяр и товарищ его Сим вздумали однажды состязаться в силе и ловкости своих коней; положено было перескочить с Маруновой горы на Кудеярову. Кудеяр на своем коне перескочил, но Сим оборвался и упал в долину: в том месте, где он провалился с конем под землю, и ударил родник, носящий доныне его имя.

6. О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ РЕЧКИ „ЦАРИЦА“

Татарский хан зарубил здесь мечом одну из своих любимых жен. Ханша тайно приняла христианство и бежала из орды в Москву, чтобы там поступить в монастырь, но разгневанный хан, с своими воинами, погнался за нею, догнал ее на берегу этой речки, собственноручно убил ее, изрубив ее тело на куски, побросал их в воду, отчего речка и получила название „Царицыной“.

7. О КЛАДЕ

(Богатырская сказка)

Как подумаешь, да порассудишь, что иной голыш, бедняк, бьется, бьется из-за последней деньги, из-за куска хлеба, колотится, что козел об ясли, весь век, да и то, бывает, не добьется до торной тропы, чтобы пройтись, как люди ходят;—а иной, господень крестник, только шапку наставит, и валится всякое добро и милость, живи да поживай. Как подумаешь, подгорюнясь, про эту притчу, так поневоле и сядешь, надувшись, как волостной наш, коли его кто обнесет случаем чаркой,—сядешь, да и переведешь дух, что кузнечный мех, да повесишь голову и сидишь.

Мужичок, сказывают, живучи где-то в понизовом захолустье, так же, по-нашему, все тужил да тужил, что ему талану нет; а все, вишь, хотелось разжиться так, ни с чего, здорово живешь; не то, чтобы работой да потом, а сидючи-глядючи, по белу свету гуляючи, пляшучи да припеваючи; и задумал он разбогатеть кладом. Наладил он песню ли, сказку ли про этот клад, да все и читает ее одну, словно вековую докучную сказку про Сашку Серую Сермяжку; и бредит кладом и здоровается с тобой кладом же, и прощается кладом, и куска, прости господи, ко рту не поднесет, не помянув, хоть про себя, клад. Чему же быть тут доброму, коли человеку дурью глаза и уши запорошило, голову набило по самое темя? Люди берутся за цеп, за косу, а он персты расставит пошире, словно грабли, уши развесит, да так и ходит по селу, дурак дураком; только и норовит, где бы какого старика поймать, чтоб порассказать ему, какие клады бывают да где живут они, да кому даются, а кому не даются; и не одну ночь, чай, прошатался молодец наш, клада ищучи, то к Лукашкину яру, то под Заячий лаз, то на Мурзинской курган, да видно не дается клад; молодец наш ходит все тем же оборванцем, в

сермяжном зипунишке, что на одной подкладке держится, а то бы давно развалился.

Первые клады в понизовых губерниях положили, скажут, волжские разбойники. Выедут они, бывало, ночью на матушку-Волгу широкую, в косной лодке, да прикроются сверху рогожами, чтоб не видать было народа, и только возряты на расшиву какую, либо в досчаник, в кладную, то и держат прямо в корму. Коли кормщик на путевом судне, по обычаю, окликнет их: „Мир, бог на-помочь“, да „Откуда бог несет“?, а потом: „Чье судно, чья кладь, откуда бурлаки“?, то чем бы им, как добрым людям, отвечать: „Вам бог на-помочь, — оттуда-то, хозяин такой-то, кладь такая-то“, да выждать напутного слова: „С богом!“ да и итти себе своим путем, так разбойники молчат, говорю, на оклик да держатся прямо в корму, а подошедши, кидают причал, а атаман кричит: „Бери причал!“. Бурлаки знают, что разбойника ни одна пуля не берет, обух не одолеет; принимают молча причал и на приказ атамана: „сарын на кичку“, все до одного прячутся в мурью, в порожнее место промеж палубой и кладью. Хозяин тут управляйся один как знаешь, а бурлаки ни за что на разбойника руки не подымут. Разбойники взлезают на судно, берут хозяина либо приказчика, кто случится, и допытывают: где деньги? а коли устойчив больно да упрям, так бывало и то, что поджаривали на легоньком огоньке. Набравши золота и серебра, много, случалось, что разбойникам девать его некуда; они и зарывали его в землю и писали на клады эти записки, где лежит клад и кому он дается; вот, например, запись на клад: „От села Свекловичина на полдни, в семи верстах от Красного яру, супротив большого каменного мару, в двухстах семнадцати шагах, а от раздвоившейся березы в сорока семи шагах, положено кладом, в двух чайниках медных да в котелке чугунном, на глубине косой сажени, золотом на двадцать на одну тысячу, серебром на семнадцать с поло-

виной тысяч, да золотых с камнями дорогими перстней два. А клад этот никому не дастся, только дастся он молодцу удалому, накануне Ивана-Купала, коли задом пройдет от самого села до места и станет рыть не оглядываясь, не озираючись, да обет положит выкупить трех человек из острога, да господских троих на волю вольную...

8. СКАЗАНИЕ О РАЗИНЕ

Стенька Разин на своей кошме-самолетке-самоплавке перелетал с Дона на Волгу, а с Волги на Дон. На Дону было у него место, называется камень, а на Волге был у него бугор. Пограбит суда на Волге — полетит на Дон. Не было спуску ни царским судам, ни купеческим, ни большим, ни мелким: со всех судов Стенька брал подать; а кто вздумает обороняться, тех топил, а господ больших ловил, да в тюрьму сажал. Вот и шлет к нему сам царь: „Зачем, говорит, ты царских судов не пропускаешь?“. А Стенька говорит: „Я, мол, ваше царское величество, не знаю, какие есть суда царские, какие не царские“. Царь приказал на всех царских судах ставить гербы. Стенька поэтому не трогал их и пропускал и дани не брал. Царь за это прислал к нему в подарок шапку. Только тогда купцы сговорились, да и на свои суда стали ставить гербы, а Стенька, как это узнал, и говорит: „Нельзя разобрать, какие суда есть царские, и какие не царские“, и опять со всех судов стал брать дань.

Много лет он таким образом летал с Дона на Волгу, с Волги на Дон; а взять его никаким войском нельзя было для того, что он был чернокнижник. Потом собрал он шайку и поплыл в Персию и воевал он там два года и набрал так много богатства, что и счесть и сместить невозможно, а как ворочался, в Астрахани воеводы не хотели пропустить его. Стенька говорит: „Пропу-

стите меня, воеводы, я вам ничего дурного не сделаю!“ Воеводы-таки не пропустили, а велели палить на него из ружей и из пушек, только Стенька, как был чернокнижник,— его нельзя было донять ничем; он такое слово знал, что ядра и пули от него отскакивали. Тогда подманила его девка Маша, как в песне поется, — но и тут Стенька улизнул от беды и за эту штуку не простил воеводам. На другой год он пришел в Астрахань с войском и осадил кругом город. В Астрахани жили больше все неверные. Стенька приказал палить холостыми зарядами и послал сказать, что жалеет православных христиан, а просит, чтобы христиане отворили ему ворота. Христиане и отворили ворота; он, как пошел, всех неверных ограбил, а иных до смерти побил и воеводу побил за то, что его не пропускали, как он ворочался из Персии, а христианам ничего худого не сделал. Тогда был в Астрахани митрополит; стал он его, Стеньку, корить и говорит ему: „Вишь, какая у тебя шапка — царский подарок, надобно, чтоб тебе теперь за твои дела царь на ноги прислал подарок — кандалы“. И стал его митрополит уговаривать, чтобы он покался и принес повинную богу и государю. Стенька осерчал на него за это да притворился, будто и в самом деле пришел в чувство и хочет покаяться, и говорит митрополиту: „Хорошо, я покаюсь: пойдем на соборную колокольню: я стану с тобой вместе и оттуда перед всем народом принесу покаяние, чтоб все видели, да и тоже покались“. Как взошли они на колокольню, Стенька схватил митрополита поперек, да и скинул вниз. „Вот, говорит, тебе мое покаяние!“. За это его семью соборами прокляли. Товарищи его, как узнали, что он семью соборами проклят, связали его и отправили в Москву. Стенька, едучи, сидит в железах да только посмеивается. Привезли его в Москву и посадили в тюрьму. Стенька дотронулся до кандалов разрывом-травой — кандалы спали, потом Стенька нашел уголек, нарисовал на стене лодку и весла, и

Соколова гора. С рисунка И. И. Караяина.

воду, — все как есть, да как известно, был колдун, сел в эту лодку и очутился на Волге. Только уж не пришлось ему больше гулять: ни Волга матушка, ни мать сыра земля не приняли его. Нет ему смерти. Он и до сих пор жив.

Одни говорят, что он бродит по городам и лесам и помогает иногда беглым и беспаспортным. Но больше говорят, что он сидит где-то в горе и мучится.

9. О ПУГАЧЕВЕ

Накануне второго Спаса вышла я с пирогами утром рано, устала скамейку и покрикиваю: „Пирогов с начинкою, масляных горячих, отведайте, молодцы, молодухи и малые ребята“. Подходят ко мне человек пять, такие урванцы, что не много встретишь, говорят, где, дескать, бояре проживают? Мы, дескать, посланные царские слуги. Меня — как иголки от их слов по шкуре закололи, — что, думаю, делать? Люди они, повидимому, недобрые. Отвечаю им: „Не знаю, молодцы“. — „Как не знаешь? Ты, дескать, торгуешь, здешняя, стало — скрываешь“. Один из них как толкнет меня. „Ахти, — говорю, — что ты, окаянный пострел?“ — „Как пострел? Я, дескать, царский слуга“. Давай меня трепать, отняли корчагу, вырвали кошель с деньгами и полетели на Соколовую гору. Плакала я, плакала, а помочь горю нечем, — я к этому старичку (указав на Острякова ¹), он в то время был молодец молодцом. Совета не подал, говорит: „Не до тебя, дескать, Вахромеевна. Пугачев около Саратова, а его разбойники грабят и буйствуют“. Так и быть, молчу: ни денег, ни корчаги. На самый второй Спас утром пришел на Соколовую гору Пугач, с ним ехало народу видимо-невидимо. Пугач ехал верхом

¹ Сосед рассказчицы.

на белой лошади, на нем была высокая пушистая шапка, чапан синий, шаровары и бекашка с золотом; вокруг него были верховые с саблями и ружьями; позади везли пушки. Перед обедами поставили палатки и виселицы. Слышу, из тюрьмы колодников выпускают; думаю себе: неспроста милости дают, дай дойду. Собралась с духом, да и туда. Помню, как сейчас: около палатки Пугача собрались казаки, посадские, сам Пугач ходит по народу. Я ему в ноги и молвила, что, дескать, обидели меня его слуги. Он сказал: „Не плачь, помогу“ и велел отдать мне деньги. Конный вынес из палатки пригоршни медных денег и высыпал мне в передник. Славу богу, думаю себе, потихоньку вышла из толпы, да сколько было силы—бежать с горы.

При мне к Пугачу на гору привезли барыню и двух дочерей, связанных. Пугач на них кричал, грозил повесить за то, что барыня укрыла мужа своего, а дети не сказывали, где отец, которого Пугач намерен был повесить. Дочери так плакали голосом, упрасивали Пугача отпустить их, что одна из них упала замертво. Пугач умилился, приказал отвести всех в дом и сказать отцу, что, дескать, не за покорность его, а за слезы детей милость дает.

10. ВОЛШЕБНИЦА АРИНКА

(Из легенд Девичьих гор)

Очень давно, а когда, того не помнят самые старые люди, с Армиевых гор, где в прежнее время стояло войско Кудеяра, пришел сюда древний старик, атаман, по прозванию Лысый.

Бы л ростом как Ермак, виду сурового, силы непомерной, страшный колдун и чернокнижник, проживший „два века“.

Силою своего колдовства он на всем бегу мог остановить степного коня, таков был взгляд его, что стоило

ему только взглянуть на плывущее по Волге судно — как оно становится поперек реки и не двигалось с места до того времени, пока сам он не снимет с него заклятия, забравши третью часть казны и товаров.

А в те времена на Волге разбоем промышляли не одни мужики, но еще пуще работали девки, стоявшие со своими атаманшами по маякам Девичьих гор, отчего и горы стали называться девичьими или девушкиными.

Грозой всей Волги была тогда „Девушка Пелагеюшка“, стоявшая на два стана: один на большой Маяцкой горе, что пониже Меровки, а другой в самых Жигулях, у „Девушкина камня“.

Услыхала Пелагеюшка про нашего Лысого Атамана и послала к нему в науку свою младшую сестру Аринку с двенадцатью богатыршами.

Выучил ее Лысый всем наукам чернокнижным, отвел над зеленым долом на самой горе место под стан, и стали они работать на славу: выйдет Аринка на самую кручу, махнет белой рукой, и стал караван; повисли паруса, весла не поднять, хоть весь народ созови, ни лямкой ни веслом судна на вершок не сдвинешь.

И сами идут купцы на берег, несут Аринке шелка да ковры, да казны сколько захочет.

Уж какие только ни приезжали к ней богатыри силою помериться, сколько добра про заклад поставили: выйдет к ним Аринка, в парчу, да в бархат разодетая, схватится с добрым молодцом, тот и глазом не моргнет, как уложит она его на траву, а потом к себе на пир зовет.

Дошла славушка про нашу Аринку до самого Стеньки Разина: расстелил он на берегу персидский ковер, стал на него, махнул рукой и взвился над Волгою, над горами да лесами...

Не устояла Аринка против самого Степана, забыла свой зарок чернокнижной; за ласку богатырскую отдала силу девичью, а с нею и самую жизнь привольную.

На утро пришли подруги и нашли атаманшу мертвой. Обрядили покойницу, оплакали да скоронили — разошлись по другим шайкам. Только, рассказывают, и ныне по ночам видят некоторые, как Степан огненным змеем слетает на ее одинокую могилу, слетает, огнем-жаром рассыпается.

11. О ПОСТРОЙКЕ ГОРОДА КАЗАНИ

Темир-Лан, которого татарское предание называло Темир-Акшаком (Железная Белая Борода или Железный Старик, так как татары всякого старика называли акшак), завоевал Булгарское царство от Яика до Волги (что должно было происходить в конце XIV в., когда Тамерлан господствовал над татарскими ордами). После семилетней осады Темир завоевал столичный город Брехимов, пленил и умертвил хана Абдуллу. Но сыновья злополучного хана Алтын-Бек и Алын-Бек успели бежать при помощи некоторых вельмож и укрывались в безопасном месте до самого удаления Темир-Лана из булгарских пределов. Тогда они снова явились во владения своего отца. Так как Брехимов был большой и богатый город, то братья не решились возобновить его; старший князь Алтын-Бек построил Иски-Казань (в 43 верстах от современной Казани); это было незначительное местечко на берегу р. Казанки. Однажды слуга князя носил воду для бани своего господина и уронил в воду котел, по-татарски „казан“; воспользовавшись этим случаем, князь назвал город и реку „Казань“ (котел). Таким образом Булгарское царство превратилось в Казанское, и вместо разрушенного Брехимова явилась Казань. Но и эта Иски-Казань (Древняя Казань) была только 104 года столицею возобновленного царства. Нынешняя Казань обязана своим происхождением следующему случаю.

Один богатый казанец часто посещал пчельник, находящийся в лесу, где ныне стоит Казань, и монастырь

на Джилантау (Змеиной горе); при этом всегда брал с собой свою красавицу дочь; когда она была уже заму-жем, то однажды носила воду с реки Казанки, при этом громко порицала основателя города. Это дошло до тог-дашнего хана Али-Бей, и он потребовал ее к себе.

На вопрос хана она отвечала, что основатель города, заставляя носить для себя воду своих рабов, не может знать, как тяжело бедным беременным женщинам носить воду постоянно на высокую, крутую гору. При этом она похвалила ему окрестности близ устья Казанки, где раньше стояли улья ее отца. Хан возразил, что в тех местах нельзя строиться, потому что там много змей, особенно на Джилантау, а на мысу между Казанкой и Булаком водятся в большом количестве дикие свиньи.

Но женщина заявила, что это не может служить препят-ствием, так как колдуны могут изгнать этих поганых тварей.

Хану самому не нравился его город; он послал своего сына с двумя вельможами и с сотнею ратников к устью Казанки, чтобы отыскать там лучшее место для построения города; вместе с тем вручил им запечатанное письмо, приказав распечатать его после общего соглашения о выборе места. Посланные выбрали место нынешней Казани; распечатав письмо, вельможи прочи-тали в нем приказ закопать живого в землю одного из своей среды по жребию. Жребий пал на ханского сына, но послы скрыли царевича, а вместо его закопали собаку. Хан Али-Бей прибыл на место нового города и осмотр-рел его окрестности. Сильное горе мучило хана, когда он узнал, что жребий пал на царевича. Наконец послы решились открыть ему истину. Хан очень обрадовался, услышав о спасении сына, но при этом с грустью заме-тил: „Наш новый город и наше царство достанутся в руки врагов нашей правоверной мухамметанской веры, которых мы называем собаками.“

Один колдун собрал осенью всех змей в одно место, велел зимой навозить туда дров и соломы, а весной их сжег.

Казань 1767 г. С рисунка Леспинаса.

Однако один крылатый змей или дракон улетел на Зилантову гору, откуда долгое время еще наводил ужас на окрестных жителей; наконец и он был умерщвлен посредством заклинаний волшебника. Хан в память о таком событии избрал дракона в государственный герб; вот отчего и поныне дракон остается казанским гербом.

12. О ПОСТРОЙКЕ ГОРОДА КАЗАНИ

Преемник Батыя Сеин долго искал удобного места для построения города и нашел его на Волге, на самой окраине Русской земли. Место было весьма плодородно, пчелисто, удобно для скота, зверисто и рыбно, полно всякими житейскими угодьями, так что не только нельзя встретить другого такого же места по всей нашей Русской земле, но и в других странах едва ли где найдется такое. Царь Сеин весьма возлюбил это место; но издавна там было змеиное гнездо; от него много терпели все окрестные жители. В гнезде там жил великий змей, страшный, о двух головах: одна была змеиная, а другая — воловья, одной он пожирал и людей, и скот, и зверей, а другой ел траву; около его жилища были и другие змеи; люди не могли выносить их свиста и из страха обходили далеко вокруг змеиные гнезда. Царь же Сеин, постоянно обходя приглянувшееся ему место, все раздумывал о том, как бы извести змей, чтобы сделать свой город большим и славным. Наконец отыскался некий волхв, который взялся уничтожить всех змей. Царь обрадовался и обещал щедро наградить волхва, если он очистит приглянувшееся ему место. Окаянный тот волхв собрал своим волшебством и обаянием всех от века живущих здесь змей и очертил их чертой, чрез которую не мог переползти ни один гад; окружив их сеном и хворостом, он зажег эту изгородь, поливая ее смолой и серой; огонь уничтожил всех змей,

великих и малых, но распространился великий смрад по всей той земле, проявляя будущее от окаянного царя шипение и проклятие веры его сарацынския. От нестерпимого смрада пали кони и верблюды, многие умерли тогда от воя змеиноного, но место было очищено. Царь Сеин огородил на нем город Казань, который стоит и донныне, все русские люди видят его и знают, а незнающие слышат о нем.

13. О ЗЕМЛЕ ЭРЗЯКОВ

„Давно-давно у нас, у эрзяков, была своя собственная земля“,—говорит мне однажды мой дедушка. Я говорю: „как? где же наша земля?“.— „Есть большая река Волга, в реку впадает другая река Кама. При устьи Камы жили болгары и татары. А на той стороне Волги, напротив земель болгар и татар, была земля эрзякскв. У нас был свой собственный князь, но он со своей головой, похожей на пустой чугунок, не мог удержать этой земли. У нас были хорошие земли; лесу, лугов у нас было сколько угодно; оттого русские позавидовали на нашу землю. Рядом с нашей землей была русская земля. Русский князь был умнее нашего князя. Русский князь пришел к нашему князю и говорит: „продай свою землю!“. „Отчего же, или не продам“,—отвечает наш князь. И они поладили на следующем: русский князь выберет в своем народе человека; вокруг шеи этого человека (должно) наvertеть веревку, сколько может удержать и сколько захватить земли эта веревка—земля эта (будет принадлежать) русскому князю. Русский князь выбрал сильного человека, наvertел вокруг его шеи столько тонкой бечевочки, сколько он мог выдержать, и повел его к нашему князю. Потом они начали развертывать эту бечевку и протягивать ее вокруг нашей земли; протягивали-протягивали вокруг, и та бечевкахватила вокруг

всей эрзянской земли. С тех пор нашими князьями стали русские. Если бы князь был человеком твоей земли, он бы все-таки тебя пожалел“, — говорит мой дед.

Об этом дед мой узнал в Самарской губернии. Однажды князь послал деда моего с другими (крестьянами) за брусьями. Дед мой был тогда молодым человеком. В городе Самаре они встретили старичка эрзяка, тамошняго жителя: он им об этом рассказал.

14. КАТЮШИНА ГОРА

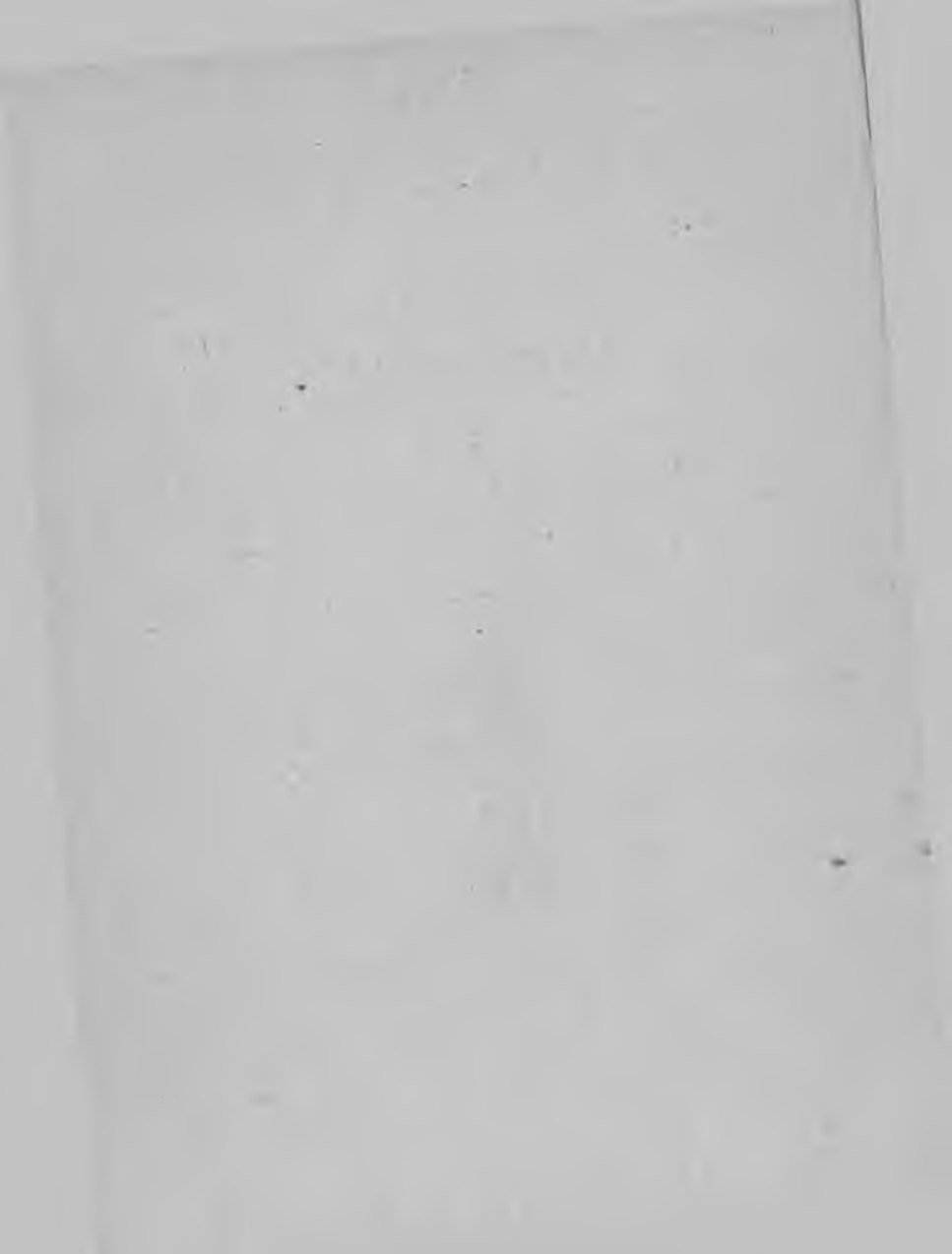
На юго-запад от Хвалынска столпились горные хребты, некогда от вершины до края покрытые стеной непроходимых лесов. Там в глубокой древности жила мордва: остались повсюду на горах, усеянные черепками и углем городища.

По рассказам стариков, еще на их памяти — на этих же местах стояли разбойники, выслеживая добычу и делая отсюда смелые набеги на заволжских богатых кочевников — калмыков и киргизов.

Так на высокой горе, господствующей над Мамонровым ключом, в ущелии которого раскинулись скиты Черемшань, — жила на древнем городке шайка двух атаманов: Рогова и Туманова. Однажды убили они где-то целую семью, но не поднялась рука их на маленькую девочку — Катюшу. Они ее взяли к себе в стан, воспитали и поручали ей в те дни, когда они уходили на свои промыслы за Волгу, — зажигать на городке костер и все время поддерживать огонь, чтобы не потерять из виду свой притон. В память этой сиротки Катюши — донине высокая гора, по которой пролегает Болтуновская дорога, носит название „Катюшина гора“.

БЫЛИНЫ

1. САДКО

По славной матушке Волге реке,
А гулял Садко молодец тут двенадцать лет:
Никакой над собой притки
И скорби Садко не видывал,
А все молодец во здравьи пребывал.
Захотелось молодцу побывать во Нове-городе;
Отрезал хлеба великой сукрой,
А и солью насолил, его в Волгу опустил:
„А спасибо тебе, матушка Волга река!
А гулял я по тебе двенадцать лет,
Никакой я притки-скорби не видывал над
собой,

И в добром здравьи от тебя отошел:
А иду я, молодец, в Новгород побывать“.
Проговорит ему матка Волга река:
„А и гой еси, удалой-добрый молодец!
Когда придешь ты во Новгород,
А стань ты под башню проезжую,
Поклонися от меня братумоему,
А славному озеру Ильмену“.
Втапору Садко молодец отошел поклонился.

Подошел ко Нову-городу,
И будет у тоя башни проезжая,
Подле славного озера Ильменя,
Правит челобитье великое
От тоя-то матки Волги реки,
Говорит таково слово:
„А и гой еси, славной Ильмень-озеро!
Сестра тебе Волга челобитье посылает
свое“.

Говорил сам и кланялся.
Малое время замешкавши,
Приходил тут от Ильмень-озера
Удалой-доброй молодец,
Поклонился ему, добру молодцу:
„Гой еси, с Волги удал молодец!
Как ты, де, Волгу сестру знаешь мою?“
А и тот молодец Садко ответ держит:
„Что, де, я гулял по Волге двенадцать лет,
Со вершины знаю и до устья ее—
А и нижнего царства Астраханского“.
А стал тот молодец наказывать,
Которой послан от Ильмень-озера:
„Гой еси ты с Волги удал молодец!
Проси бошлыков во Нове-городе,
Их со тремя неводами
И с теми людьми со работными,
И заметывай ты неводы во Ильмень-озеро
Что будет тебе божья милость“.

2. СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Реки да озера к Нову-городу,
А мхи да болота к Белу-озеру,
Да чисто поле ко Опскову,
Темные леса Смоленские,

Высоки горы Сорочинские,
 Широки ворота Чигарицкие,
 Широка мать Волга под Казань прошла,
 Подале того и под Астрахань.
 Да из-под дуба, дуба сырого,
 Из-под вязу, спод черного,
 Из-под белого горячего спод камешка,
 Выбегала мать Непра река,
 Да устьем впадала в море Черное.
 За этих островов Кодольских
 Не тученьки затучивали,
 Не сини облаки задерживали,
 Бежали выбегали тридцать кораблей,
 (Тридцать кораблей со единым),
 - Единый кораблик передом бежит,
 Передом бежит, как сокол летит;
 Высокошенько головушка завздынута,
 Нос-корма по-звериному,
 Боки-то сведены по-туриному;
 Место оцей было втерано
 По дорогу по камению по яхонту;
 Место бровей подергивано
 По черному соболу Сибирскому;
 Место ушей было повешено
 По серому по волку по турецкому.
 На том ли черленом на корабле,
 Среди кораблей стоит зелен чердак,

.

3. СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

А мхи были болота в Поморской стороны,
 А тая эта зябель в Под-сиверной стороны,
 Гольные щелья к Белу-озеру,

А темные леса Смоленские,
Широки ворота Чигиринские,
Не хороши сарафаны по Моши по реке.
Испод дуба, дуба, дуба сырого,
Испод того камешка спод яхонта,
Выходила-выбегала Волга мати река,
Устьем бежит-то в сине море,
Во то во сине море во Турецкое.
На той ли на матушке на Волге реке
Бежало-бежит тридцать три корабля,
Тридцать три корабля бежит без одного.
Один-то корабль лучше-краше всех:
В том корабле было написано,
На том на кораблю напечатано:
Нос-от написан по-змеиному,
А корма-то была по-звериному,
А бока введены по-туриному,
Кодолы-канаты были шелковые,
Паруса-то были из семи шелков,
Мачты-то, корзины позолочены.
И на том кораблю млад сидит Соловей,
Млад сидит соловей сын Будимирович
Со своею со родною со матушкою,
Со своима со дружинами с хоробрыми.
Говорит он, промолвит таково слово:
„Ай же вы, братцы, дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая.
А слушайте-ка большого атамана:
Взимайте-ка шестики мерные,
Намеряйте-ка луды морские,
Как бы нам, молодцам, мимо проехати,
Не попасть бы на луды морския“.
Как его ль дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая,
Слушали они большого атамана;
Взимали шестики мерные,

Меряли луды морские.
Ехали мимо проехали.
Опять Соловей сын Будимирович
Говорит-промолвит таково слово:
„Ай же вы, братцы, дружина хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая!
Слушайте-ка большого атамана:
Взимайте-ка трубоньки подзорние,
Глядите-смотрите славен Киев-град,
Чтобы нам, братцы, попасть было
В тую ли пристань корабельную,
Под той ли под славен Киев-град“.
Тут его дружинushка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая,
Слушали они большого атамана,
Взимали трубоньки подзорние,
Глядели-смотрели славен Киев-град.
Ехали молодцы, приехали,
Попали во пристань корабельную.
Говорит он, промолвит таково слово:
„Ай же вы, братцы, дружинushка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая.
Слушайте-ка большого атамана,
Взимайте первую сходенку волжаную
Другую сходенку серебряну,
Третью сходенку красна золота;
Кидайте сходенки на крут бережок:
А по волжаной сходенке вам итти,
Всем моим дружинushкам хоробрим.
Хоробрим дружинам Соловьевым,
А по серебряной сходенке матушке моей,
Матушке итти Соловьевой,
А по золотой по сходенке мне-ка-ва итти,
Итти млад-Соловью сыну Будимирову“.
Тут его дружинushка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая,

Они слушали большого атамана,
Взимали первую сходенку волжаную,
Другую сходенку серебряну,
Третью сходенку красна золота,
Кидали сходенки на крут бережок.

.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

215173

1. ВЗЯТИЕ АСТРАХАНИ

Собирался князь Никита
Сын Федорович
Он во путь во дороженьку,
В Астрахань город.
Вот он делал тележки
Астраханские,
А не мало и не много
Сорок восемь тысяч.
Обивал он тележки
Дорогим сукном,
Дорогим таким сукном,
Черным бархатом.
Он сажал на те тележки
По семи человек,
По восьмому он сажал
По кучеру,
По девятому он сажал
Кошеварому,
По десятому он сажал
Провожатому.
Наперед он послал

Своего гонца:
„Ты гони, гони, гонец,
В Астрахань город“.
„Ты воскликни, ты возгаркни
Громким голосом:
„Уж вы гой еси, купцы
Астраханские!
„Отворяйте-ка ворота
Вы широкие,
Мы приехали к вам, купцы
Черноморские,
„Привезли мы вам товары
Все заморские:
„Черных соболей
Со куницами,
„С чернобурыми
Со лисицами“.
Отворяли им купцы
Свои ворота,
Становили купцы гонца
Во гостиницу.
Но там гонец
Не уставился;
Очищали для гонца
Три площади,
Просили со гонца
Три пошлины:
— Заплачу я Вам, братцы,
Все три пошлины.—
Как с первого часу,
Со полуночи,
Выходил наш гонец
На высок балкон,
Он воскликнул-возгаркнул
Громким голосом:
—Ты вставай, вставай,

- Живой товар.
— Ты с первого конца
Жги-пали,
— А с другого конца
Секи-руби,
— А с третьего конца
Во полон бери,
— На каждого молодца
Цепь тяжелую клади!
Закричали купцы, купцы
Астраханские:
— Как ни честь, ни хвала
Царю белому,—
— Как не взяли Астрахань
Город в тридцать лет,
— А теперь взяли его
Ровно в три часа“.

2. ЕРМАК

На славной Волге реке, на верхней изголове,
На Бузане острове,
На крутом красном берегу,
На желтых рассыпных песках,
А стояли беседы что беседы дубовыя,
Исподернуты бархатом;
Во беседочках тут сидели атаманы казачия,
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич,
Анофрей Степанович:
Ане думушку думали за единое,
Как про дело ратное, про добычу казачею.
Что есаул ходит по кругу по донскому еицкому,
Есаул кричит голосом во всю буйну голову:
„Ай вы гой еси, братцы, атаманы казачия.
У нас кто на море не бывал,

Морской волны не видал,
Не видал дела ратнова, человека кровавова,
Желанье те богу не маливали:
Астанетесь таковы молодцы на Бузане острове".
И садились молодцы во свои струги лехкия,
Оне грянули молодцы вниз по матушке
Волге реке,
По протоке по Ахтубе;
А не ярыя гоголи на сине море выплыли,
Выгребали тут казаки среди моря синева;
Против матицы острова лехки струги выдєргивали
И веселечки разбрасывали, майданы расставливали,
Ковры раздєргивали, ковры те сорочинския,
И бесєды дубовыя, подєрнуты бархатом;
А играли казаки золотыми тавлеями,
Дорогими вольящєтєymi.
Посмотрят казаки оне на море синєя,
Атаву зеленєва от дуба крековистєва,
Как бы бєль забєлєлєся, будєтє черєз зачернєлєся,
Забєлились на кораблях парусы полотняныя
И зачернєлись на море тут двєнадцать кораблей
А бєгут тут по морю
Славны гостє турєцкє со товары заморскєми.
А увидєли казаки тє кораблє червлєныя
И бросались казаки на свой струга лехкия,
А хватали казаки ружьє долгомерное
И трє пушєчки медныє,
Напушались казаки на двєнадцать кораблей,
В трє пушєчки гунули, а ружьєм вдруг грянули:
Туркє гостє богатыя,
На кораблях от тово испужались,
В синє море метались,
А тє товары заморскєи
Казакам доставались,
А и двєнадцать кораблей.
А на тєх кораблях одна не пужалєся,—

Душа красная девица,
Молода Урзамовна мурзы дочь турскова.
Что заговорит девица Урзамовна: — не тронте
мене казаки,

Не губите моей, красоты,
Аи вывезите мене, казаки,
В силу царству московскому государству роси-
скому

Приведите, казаки, мене в веру крещеную.
Не тронули казаки душу красну девицу,
И посадили во свои струги лехкия.
Аи будут казаки на протоке на Ахтубе,
И стали казаки на крутѣм красном берешку,
Майданы расставляли, майданы те терския,
Ковры сорочинския, а беседы расставляли,
А беседы дубовыя, подернуты бархатом,
А столы дорог рыбий зуб;
Аи куша казаки тут оне кушанье разное,
И пили питья медяные, питья все заморския.
И будут казаки на великих на радостях,
Со добычи казачия, —

Караулы ставили, караулы крепкия, отхожия,
Сверху матки Волги реки,
И с низу таковыя ж стоят, —
Запилися молодцы, а все оне до единова.
А втапору и во то время на другой стороне
Становился стоять персицкой посол,
Коромышев Семен Константинович,
Со своими солдаты и матросами.
Казаки были пьяныя, а солдаты не со всем умом,
Напускалися на них драться ради корысти своея.
Ведал ли не ведал о том персицкой посол,
Как у них драка сочинилася, —
В той было драке персицкова посла
Солдат пятьдесят человек,
Тех казаки прибили до смерти.

Только едва остались три человека,
Которые могли убежать на корабль,
К своему послу сказывати.
Не разобрал тово дела персидской посол,
О чем у них драка сочинилася,
Послал он сто человек,
Всю ту правду расспрашивати.
И тем солдатам показались,
Что те люди стоят недобрыя:
Зачали с казаками драться.
Втапоры говорил им большой атаман,
Ермак Тимофеевич:
Гой вы еси, солдаты хорошие, слуги царя верные.
Почто с нами деретесь, корысть ли от нас по-
лучите?

Тут солдаты безумные на его слова не сдавались,
И зачали драться боем та смертным.
Что дракою некорыстною.
Втапоры доложил о том большой есаул,
Стефан Лаврентьевич:
Гой вы еси, атаманы казаки.
Что нам с ними делати?
Солдаты упрямые лезут к нам,
З дракою в глаза?
И на то его слова большой атаман,
Ермак Тимофеевич
Приказал их до смерти бити
И бросати в матку Волгу реку.
Зачали казаки с ними драться
И прибили их всех до смерти,
Только из них один ушел капрал островской,
И прибежавши на свой корабль к послу персид-
кому

Семену Константиновичу Коромышеву,
Стал обо всем ему рассказывати,
Кака у них с казаками драка была.

И тут персицкой посол не размышлил ничего,
Подымался он со всею гвардию своею
На тех донских казаков;
Втапоры ж подымались атаманы казачия,
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич
И Анофреи Степанович:
И стала у них драка великая и побоище смертное
А атаманы казачия сами они не дрались,
Только своим казакам цикнули:
И прибили всех солдат до смерти,
Ушло ли не ушло з десяток человек,
И в той же драке убили самово посла персицкова
Семена Константиновича Коромышева.
Втапоры казаки, все животы посла персицкова
Взяли себе платье цветное,
Клали в гору Змееву.
Пошли оне, казаки по протоке по Ахтубе,
Вверх по матушке Волге реке;
А и будут казаки, у царства астраханскова
Называется тут Ермак с дружиною
Купцами заморскими:
А явили в таможне товары разные,
И с тех товаров платили пошлину
В казну государеву,
И теми своими товарами
Торговали без запрещення.
Тем старина и кончилась.

3. ЕРМАК

Во славном понизовом городе Астрахане,
Против пристани матки Волги реки,
Соходилися тут удалы добры молодцы,
Донския славны атаманы казачия,
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич,

И Анофреи Степанович
И стали оне во единый круг,
Как думати думушку за единое,
Со крепка ума с полна разума.
Атаман говорил донским казакам,
По имениу Ермак Тимофеевич:
„Аи гой еси, братцы, атаманы казачия,
Некорыстна у нас шутка зашучена:
Гуляли мы по морю синему
И стояли на протоке на Ахтубе,
Убили мы посла персицкова
Со всеми ево солдатами и матрозами,
И всем животом его покорыстовались;
И как нам на то будет ответствовать?
В Астрахане — жить нельзя,
На Волге жить — ворами слыть,
На Яик итти — перехот велик,
В Казань итти — грозен царь стоит,
Грозен царь асударь Иван Васильевич;
В Москву итти — перехватаным быть,
По разным городам разосланным
И по темным тюрьмам рассаженным.
Пойдемтя мы в Усолья ко Строгоновым,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
К тем господам к Вороновым:
Возьмем мы много свинцу-пороху и запасу хлеб-
нова“.

И будут оне в Усолье у Строгонова,
Взяли запасы хлебныя, много свинцу-пороху,
И пошли вверх по Чусовой реке,
Где бы Ермаку зимовать.
И нашли они пещеру каменну,
На той Чусовой реке; на висячем большом ка-
меню;

И зашли оне сверх того каменю,
Опускалися в ту пещеру казаки,

Астрахань. С рисунка Леспинаса.

Много не мало двесте человек;
А которые остались люди похужее на другой
стороне,
В такую же они пещеру убিরались.
И тут им было хорошо зиму зимовать.
Та зима проходит, весна настает:
Где Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебряной реке;
Стал Ермак убираться со своими товарищами.
По Серебряной пошли, до Жаравля дошли,
Оставили оне тут лотки коломенки:
На тои Баранченской переволоке,
Одну тащили, да надселися, там ее и покинули.
.

4

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
На крутом на красном бережочке,
Собирались тут казаки, люди вольные,
Становился казаки во единый круг,
Они думали бы думушку заединую:
„Что кому из нас, братцы, атаманом быть,
Атаманом быть, есаулом слыть?“
Атаманом будет Ермак сын Тимофеевич,
Саульчиком Никита, сын Романович.
Поднимали они сходеньки дубовыя,
Распускали они паруса полотнянны,
И поплыли вверх по Волге реке.

5

На усть было матушки Волги реки
Собирались казаки охотники
Донские казаки сы яйцкими;

Атаманушка был у казаков
Ермак сын Тимофеевич
Есаулушка был у казаков
С тихого Дона донской казак,
Тот Гаврюшка сын Лаврентьевич;
Ермак возговорит, как в трубу вострубит:
„Вы други мои, донские казаки,
Донские, гребенские сы яицкими.
Вы слушайте, други, послушайте,
Вы думайте, други, подумайте:
Проходит, други, лето теплое,
Настает зима холодная —
И где-то мы, други, зимовать будем?
На тихий Дон итить — переход велик,
А на Яик пойтить — так ворами слыть,
А под Казань грести — государь стоит,
У государя силы много-множество,
Немного, не мало — сорок тысячей,
Там нам, казакам, быть половленным,
По темным темницам порассаженным,
А мне, Ермаку, быть повешенным
Над самой матушкой над Волгой рекой.
Тут не черные черни зачернелися,
Не белые снежочки забелелися,
Зачернелись лодки коломенки,
Забелелись парусы бязинные
Тут казаки поиспужалися,
По темным лесам разбежались,
Один оставался атаманушка —
Тот Ермак сын Тимофеевич;
Он речь говорит, как в трубу трубит:
„Ой вы, други мои, донские казаки,
Донские, гребенские сы яицкими.
А что ж вы, други, попужались?
По темным лесам разбежались?
Это едет к нам посланник царев.

Садитесь вы в лодки коломенки,
Забивайте кочеты кленовые,
Накладывайте весельца еловые,
Гряньте, погряньте вверх по Волге реке,
По матушке Волге под Казань город,
Я сам к царю на ответ пойду,
Я сам государю отвечать буду".
Приставали к крутому, красному берегу,
Выкидали потопчины дубовые,
Выходили на крут красный бережок,
Тут-то Ермак убирается,
Тут-то Тимофеевич снаряжается,
Вздевает сапожки сафьяновые на босу ножку,
Кармазинную черкесочку на опашечку,
Соболиную шапочку на правый бочек;
Идет Ермак к самому царю,
К тому шатру полотняному,
Идет Ермак отряхается,
А государь глядит в окно улыбается,
Пришел Ермак к самому царю,
Стал государь его спрашивать:
„Хорош, пригож молодец народился,
В три ряда черны кудри завивались,
На каждой кудринке по жемчужинке.
Не ты ли Ермак Тимофеевич?
Не ты ли воровской атаманушка?
Не ты ли ходил, гулял по синю морю?
Не ты ли разбивал бусы—корабли?
Тизичьи, мужичьи, мои государевы?"
Ермак говорит, как в трубу втрубит:
„Батюшка, надежда, свет великий государь!
Не вели казнить, вели речь говорить:
Мы не воры были, не разбойники,
А мы были — морские охотники,
Ходили, гуляли по синю морю
Немного, немало, ровно тридцать лет,

Разбивали мы бусы—корабли,
Тизичьи, мужичьи, государевы,
Которые были не орленые,
Признавали мы их за фальшивые:
Коли—б они были орлы государевы,
На них бы были орлы двухглавые,
А то они — не гербованные“.

Государь возговорит, как в трубу вострубит:
„Хорошо Ермак на суду стоял,
Хорошо перед государем ответ держал,
Но ой! ты удалый добрый молодец,
Ермак сын Тимофеевич!
Достань ты мне славный Казань город.
Возьми у меня силы сколько надобно.“

Ермак возговорит, как в трубу вострубит:
„Батюшка, надежда, свет великий государь.
Не надо мне твоей силы многа-множества,
Прикажи итти с донскими казаками охотниками,
А ты подойди со своею армиею
Под славный под Казань город;
А я на белой заре двери растворяю
И армию в город пушу“.

„Ой мой удалый добрый молодец,
Ермак сын Тимофеевич!
Как знать войтить в Казань город?“

Ермак возговорит, как в трубу вострубит:
„Батюшка, надежда, свет великий государь!
Если рыть подкопы глубокие под Казань город,
Закатить боченки зелья лютого,
Поставлю тебе две свечи воску ярого
И поставлю часового своего надежного,
Донского казака, есаулушку любимаго,
Ты узнаешь, как в Казань город войтить,
Как догорят две свечи воску ярого“.

Скликает Ермак Тимофеевич донских казаков:
„Ой вы, донские казаки, охотники,

Вы донские, гребенские сы-яицкими!
Садитесь вы в лодочки коломенки,
Гряньте, погряньте вверх по Волге^т реке
В тот славный Казань город,
К тому повелителю казанскому!“
Приезжает Ермак в Казань город,
Встречают^т его жители казанские,
Берут Ермака под белы руки,
Ведут к повелителю казанскому
Во те палаты белокаменные;
Видит повелитель, радуется,
Ермаку Тимофеевичу низко кланяется,
Берет Ермака за праву руку,
Ведет в палаты белокаменные,
Сажает за столы дубовые,
За скатерти шелковые,
Ставит яство сахарное,
Пойло ставит разнопьяное,
Тут Ермака повелитель начал просить:
„Ой ты, Ермак сын Тимофеевич.
Помоги отстоять Казань город“.
Ермак возговорит, как в трубу вструбит:
„Могу отстоять, когда слушаешь —
Я займу места притинныя,
Поставлю свои караулы крепкие
Над пушками долгомерными
И буду стрелять от царя белого.
Ой вы, мои донские казаки,
Занимайте места притинные,
Становите свои караулы крепкие
Над теми воротами уездными,
Переворачивайте пушечки долгомерныя
Во славной во Казань город,
Отбивайте со вратах засовы железные,
Поставьте знамечко царя белого“.
На белой заре на утренней

Воску ярого свечи догорают,
Глубокие подкопы разрываются,
Стены каменные разваливают;
Царя белого армяюшка во врата убирается,
Наш белый царь радуется,
Входит в славный во Казань город,
Вперед — Ермака государь здравствует:
„Поздравляю тебя, Ермак Тимофеевич, с радостью“.
„А тебя, государь, поздравляю с победою“.
Берет государь Ермака за праву руку,
Ведет по славному городу Казанскому,
Выходит государь во чисто поле,
Расставляет шатры полотняные,
Призывает Ермака Тимофеевича;
Государь зговорит, как в трубу втрубит:
„Ой ты, удалой мой, добрый молодец,
Ермак сын Тимофеевич.
Чем ты хочешь, тем буду жаловать:
Селами или подселками,
Или великими городами поместьями?“
Ермак возговорит, как в трубу втрубит:
„Батюшка, надежда, свет великий государь.
Не жалуй ты меня городами, подселками,
И большими поместьями —
Пожалуй ты нам батюшку тихий Дон
Со вершины до низу, со всеми реками, потоками
Со всеми лугами зелеными
И с теми лесами темными“.

6

Атаманчик сам по округу похаживат,
На нем бархатный кафтанчик на распашечку,
Бобровая его шапочка под пазухой,
Сафьянные сапожечки на-босу ногу,
Он серебряной своей тросточкой помахивает.

Атаманушка речь возговорит, — как в трубу струбит.
Есаул речь промолвит, — как в свирель заиграет.

„Уж как-то нам будет, братцы, пройти в славну
Астрахань,

„Мы проедем, братцы, в славну Астрахань в глухую
полночь,

„Уж и купим-то мы, братцы, атаманушке забавуш-
ку — коня доброго.

„А есуалу купим забавушку — ружье огненное“.

И возговорит атаман Степан Тимофеевич:

„Под Казань-городок стоит белый царь.

„Ни много, ни мало стоит, — семь годов;

„Не взявши Казань-город хочет прочь итти:

„Пойдем-ка, удалые, на подмогу к ним.

„Волжский городок с вечера возьмем,

„Царицын городок во глуху полночь,

„Мелким городочкам не поклонимся,

„Казань-то городок на белой заре,

„Во самую во Микольскую во заутрению“.

.

„Как нам, братцы, пристать к пристани?

„Ежеле боком пристать, — станут палить из пушек;

„Ежели кормой пристать, — ловить станут,

„Ежели пристать носом, — примут под руки:

„На подмогу едут к нам“.

.

Вот царь Иван Васильевич шлет посланника:

„Ежели боком пристали, палить из пушек,

„Ежели кормой пристали — ловить их,

„Ежели ж носом пристали, принять их под руки“.

И призывает он атамана:

„Скажись ты мне, кто?“

„Слышал ты? Степан Разин, Тимофеев, с молодцами“.

„Много ли у тебя посланников?“

„Три ста человек“.

„Во всех я тея прощаю,

„Только скажи, как Казань город взять“.

.....
Подвели подкоп под Казанку под реку,
Пуд порхву казну, затеплили свечи на бочках,
И вышли сами подле стены,
В руках тоже свечи держут.
Осердился царь Иван Васильевич,
Свечи все дошли, а бочки не рвет;
И хочет его казнить.

„Царь Иван Васильевич!

„На верху свечка теплится,

„Ее ветром качает“.

Только переговорили, — и зачало бочку рвать:

И полетели стены, где кого,

Где рука, где татарская голова.

.....
Приезжает царь Иван Васильевич в Москву,
Сделал пир, съехались господа к нему.
Где хвалится конями, где хвалится женами хорошими,
Где хвалится крестьянами богатыми.

7

Что да на матушке на Волге не черным да зачер-
нелось,

Не черным да зачернелось, не белым да забелелось,

Зачернелися на Волге черноморские стружочки,

Забелелися на мачтах тонкие — белые парусочки.

Что не черный ворон гаркнул, что возговорит

Стенька Разин:

„Ох вы гой еси, козачье наше вольное собрание!

„Вы гребите, не робойте, белых ручек не жалеете,

„Нам бы Астрахань — город ополноче бы пребежати,

„Черноморский городочек, что на утренней на зоре,

„Чтоб никто нас не увидел и никто бы не услышал“.

Как один, братцы, увидел, и один, братцы, услышал,

Господин большой боярин, чернойарский воевода:
Шел он ранняя от обедни, велел в колокол звонить,
Велел в колокол звонить во большой, во набатный,
Чтоб стрельцы да собирались, пушкари бы снаря-
жались,

Они пушки бы заряжали и по Стеньке бы стреляли.
Што возговорит Стенька Разин городскому да вое-
воде:

„И вы пороху не теряйте и снарядов не ломайте,
.Меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возьмет“.
Что метался Стенька Разин на угольную на башню,
Со великого раскату воеводу долой сбросил,
Его маленьких деток он всех за ноги повесил.

8. СБОРЫ РАЗИНА В АСТРАХАНЬ

Как по матушке по Волге легка лодочка плывет,
Как во лодочке гребцов тридцать молодцов,
Посередь лодки сидит Стенька Разин сам.
Как возговорит он, Стенька, ко товарищам своим:
„Уж и что й-то это, братцы, мне тошным тошно,
„Мне сегодняшней денечек да грустнехонько?
„Как и знать-то мой сынок во неволюшку попал!
„Уж я в Астрахань зайду — выжгу, вырублю,
Астраханского воеводу я под суд возьму“.

9

Горы, горы, горы крутые
Вы горы Змеевы,
Вы позвольте горы,
Горы постояти, —
Нам не годик здесь годовати,
Одну ночку ночевати,
И тою всю не спати:

Степан Разин.

Пуль, пороху набивати,
Пушки ружья наши заряжати,
Во чисто поле стреляти,
Стеньку Разину нам встречати.
На Петровском на лужочке
Все майданики запустили,
Все несчастные приуныли:
Стеньки Разина вот у нас не стало
Мы пойдемте-ка, ребята,
В белокаменны палаты,—
Ах, да из палатушек посмотрим
Вниз по матушке да по Волге,
Да по широкой, славной долгой:
Не белым бело на ней забелело,
Не черным черно зачернело,
Забелели-то тонки парусочки.

10. ПРО СЫНКА СТЕНЬКИ РАЗИНА

Как по Астраханской по улице
Шел удалый молодец
В черной бархатной корсеточке,
На распашечку идет
И свой персидский кушачок
Во правой руке несет.
Черная шляпа с позументами
На левом ушке.
С енералами, с сенаторами
Сам не кланяется, идет
К Астраханскому губернатору
Сам под суд к нему не идет.
Увидал же его губернатор
С белых каменных палат,
Закричал же губернатор
Громким голосом своим:

„Слуги мои верные,
Вы Донские казаки,
Вы пойдите разыщите-ка,
Разудалого молодца,
И вы ищите его добра молодца
По всей Астрахани,
И вы ищите его разудалого
По трактирам-кабакам,
Да и по питейным домам“.
И привели же его разудалого
К губернатору под суд,
И стал же его губернатор
Крепко выпрашивать:
„Да уж чей ты и отколь же,
Чьего роду племени?
А ты чьего дома,
Чей ты матери, отца?
Ты не с Волги ли бурлаченка,
Ты не с Дону ли казак?
Ты не с матушки ли каменной Москвы,
Ты купеческий сынок?—
— Я ни с Волги ни бурлаченка,
Я ни с Дону я казак,
Я ни с матушки с каменной Москвы,
Ни купеческий сынок.
Ах я с речушки со Камушки,
Стеньки Разина сынок.
Закричал же на него губернатор
Громким голосом своим:
„Ах вы поведите его разудалого
В белый каменный острог.
„Ах да невольничков как я выручу,
Губернатора я выучу,
Ах да по всей ли Астрахани
А я морем проплыву
Всех невольничков парусом проведу“.

11. СЫН СТЕПАНА РАЗИНА

Как во славном городе во Астрахани
Очутился, проявился незнакомый человек,
Он и шепотко по городу похаживает,
На нем бархатный кафтанчик на распашечку,
Черна шляпа пуховая с позументами.
С астраханскими купцами он не знается,
Астраханскому губернатору челом не бьет,
А водит он за собою голь кабацкую.
Как завидел губернатор из косящата окна,
Воскричал же губернатор слугам верным своим:
„Вы подите, приведите удалого молодца“.
Как искали добра молодца по Астрахани,
По трактирам, кабакам, по питейным домам,
Нашли, нашли молодца во царевом кабаке,
Во царевом кабаке, — зеленое вино пьем;
Как и взяли, подхватили под белые рученьки.
Приводили молодца к губернатору на двор.
Воскричал же губернатор со высокого крыльца:
„Ты скажи, скажи, детина, незнакомый человек,
Ты ли княжеский иль барский, иль купеческий
сын?“
Ты с Москвы ли купец, или с Дону молодец?“
Отвечает тут детина губернатору:
„Я не княжеский, не боярский, не купеческий сынок,
А со матушки со Волги, Стеньки Разина я сын,
Как завтра мой батюшка хотел в гости к тебе быть,
Ты изволь его встречать, изволь потчевати;
Он и пива не пьет, вина в рот не берет,
Он гостинчики свои на поклон тебе несет“.
Воскричал же губернатор со высокого крыльца:
„Вы возьмите, отведите в белокаменну тюрьму!“
Как удаленький молодчик да посиживает,
И в окошечко на Волгу он поглядывает.
Уж на Волге на реке забелелися стружки,
Как во лодочке косной Стенька Разин сидит сам,

Утес Степана Разина. С рисунка А. П. Боголюбова.

Добры молодцы гребут, сами песенки поют:
„Уж мы эту тюрьму по камушкам разберем,
Всех охотничков, невольничков мы повыпустим“.

12. СЫН СТЕПАНА РАЗИНА

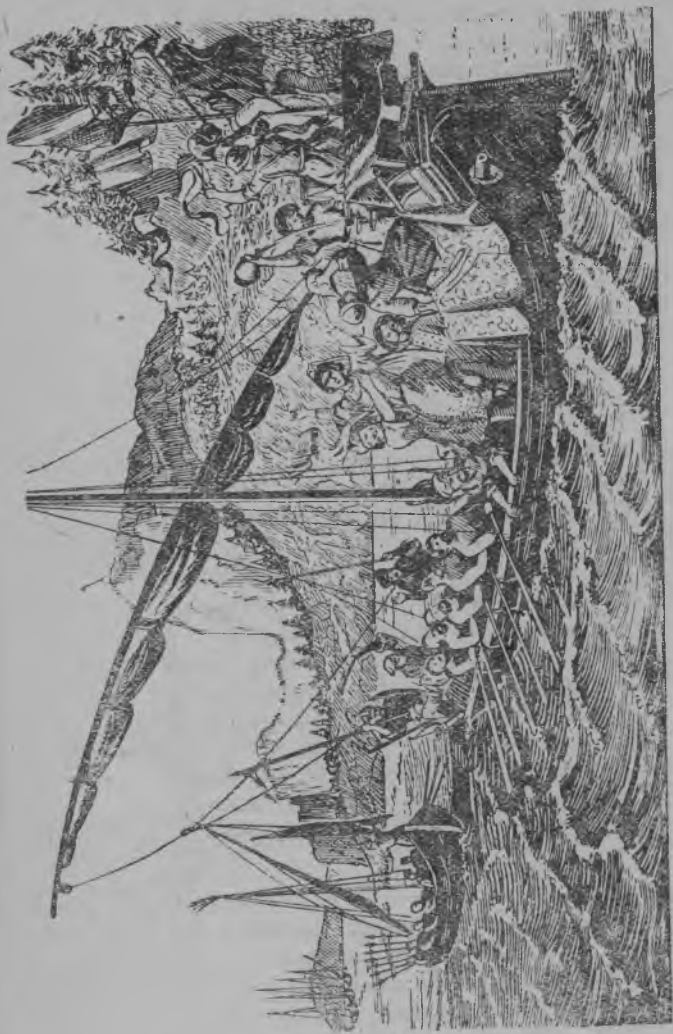
Во славном было городе во Астрахани,
Проявился тут детинушка незнамой человек,
Буро-щепетно по городу похаживает,
У купцов гостинный двор запечатывает.
Увидали молодца со Астраханского крыльца,
Закричал тут губернатор громким голосом:
„Вы подите, приведите добра молодца сюда,
К губернатору на двор...“
Его начал губернатор грозно спрашивать:
— Отколь ты такой, детинушка, знакомый человек,
Не беглец ли ты, не беглый ли прохожий человек,
Поведите молодца во Астраханскую тюрьму.—
Только успел молодец одно слово сговорить:
— Завтра мой батюшка сам к тебе в гости придет,
Ты умей-ко его встретить, умей честно проводить
Вниз по матушке, по Волге по реке,
Тут плыла-то выплывала одна лодочка легка,
На лодочке гребцов пятьдесят молодцов,
Хорошо гребцы гребут, складно песенки поют.
Один-то молодец не грянет, не гребет.
Что-то сегодня мне, ребятушки, день скучный,
— Что-то сегодня моему сердцу вешо...
Знать-то мой сынок в погибели сидит,
Во погибели, во большой во Астраханской во тюрьме,
Пособи, боже, в Астрахань город зайти,
Астраханскую тюрьму головней всю покачу,
Астраханских всех невольников на волю распушу,
С самого губернатора со живого кожу сдеру,
Астраханскую губернаторку на штык посажу,
Астраханскую его дочь себе во постельнице возьму.

Ходит молодец по Астрахани,
 Погуливает;
 В синем бархатном халате
 На распашечку похаживает.
 Во левой-то руке, молодец,
 Кушак шелковый несет;
 Во правой-то руке у молодца
 Трость серебрёная.
 В тросточке ленточка,—
 Разноцветная.
 Ходит молодец по городу,
 Не кланяется ни с кем:
 Ни с господами ни с казаками,—
 И челом не бьёт,
 К прежнему бывшему ениралу,
 И под суд нейдет!
 Увидал же губернатор
 Из косящего окна:
 „Вы подите, слуги, приведите
 Удалого молодца;
 Вы не бейте его, не журите,
 Его так скоро ведите“.
 Вот пошли же слуги, привели,
 Удалого молодца.
 Поставили молодчика,
 Пред губернаторским лицом.
 Вот и стал же губернатор
 Крепко выпрашивать:
 „Ты скажи, скажи, молодчик!
 Чьего ты рода-племени,
 Или царского колена?
 Иль купеческий сынок?
 Иль с Оки реки молодчик?
 Иль с тихого Дона казак?“

Я ни царской и ни боярский,
Ни купеческой, сударь, сынок;
Ни с Оки реки молодчик,
Ни с тиха Дона казак...
Не изволите ли знать Стеньку Разина?—
Я его, сударь, сынок,
А меня зовут Семенушкою".
„Вы подите, слуги, отведите
Его во каменну тюрьму".
Вот пошли же слуги, повели,
Удалого молодца;
Посадили молодца,
Во белу каменну тюрьму.
Как возговорит молодчик,
Удалым молодцам:
„Вашу каменную я тюрьму,
По камешку разберу.—
Если батюшка услышит,
Во полон город возьмет;
Много бед он учинит,
И в разор вас разорит".

14. ПРО СТЕНЬКУ РАЗИНА

Как по ранней, ранней утренней заре,
Вниз по матушке по Волге по реке,
Выплывает быстра лодочка легка,
Быстра лодочка легка о шести-то о гребцах,
Что в этой легкой лодочке сидит,
В ней сидит-то принаряженный купец,
Он плывет-то в славный город Астрахань,
В славный город Астрахань, по купеческую дочь.
Ох, красавица купеческая дочь!
Выходи-ко на высокое крыльцо,
Ты встречай-ко астраханского купца,
Стеньку Разина удала молодца.

Струги Разина на Волге. По рисунку Страуса.

Ты сади-ко за набранные столы,
Меду-патоки с поклоном подноси,
Ты целуй-ка Стеньку в молодецкие уста,
Уж за это Стенька наградит,
Шелку-бархату на платье подарит.

15. О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

Как по Волге реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казак, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царица.
Не глядит Стенька Разин на царицу,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвил грозен Стенька Разин:
„Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли, молодца, не дремала,
Казак моих добром наделила.
Что ничем еще тебя мы не дарили“.
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царицу,
В Волгу бросил красную девицу,
Волге матушке ею поклонился.

16

Ходил Стенька Разин
В Астрахань город
Торговать товаром.
Стал воевода

Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин
Камки хрущатые,
Камки хрущатые
Парчи золотые.
Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая:
Полы-то новы,
Одна бобровая,
Другая соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
„Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу.
Отдашь, так спасибо,
Не отдашь — повешу
Что во чистом поле,
На зеленом дубе
Да в собачьей шубе“.
Стал Стенька Разин
Думати думу:
„Добро, воевода,
Возьми себе шубу.
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму“.

17. СТЕПАН РАЗИН

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала река матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые.
Она устьицем впадала в Волгу-матушку.
Как по той ли реке матушке-Камышенке

Выплывают ли стружочки есаульские,
На стружочках тех сидят гребцы бурлацкие:
Все бурлаки, все молодчики заволжские,
Хорошо все удалцы были наряжены:
На них шапочки собольи, верхи бархатны;
На камке у них кафтаны однорядочны;
Канаватные бешметы в нитку строчены;
Галуном рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всех на молодцах сафьяновы.
Они веслами гребли да пели песенки,
К островочку среди Волги становилися:
Они ждали-поджидали губернатора,
Губернатора ли ждали астраханского.
Как возговорят бурлаки тут удалые:
„Еще что-то на воде у нас белеется?
Забелелися тут флаги губернаторские:
Кого ждали-поджидали, того ляд несет“.
Астраханский губернатор догадался тут:
„Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные.
Вы берите золотой казны, что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторско,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите все вещицы астраханские“.
Как возговорят удалы люди, вольные:
„Как твоя не дорога нам золота казна;
Нам не дорого ни платье губернаторско,
Нам не дороги диковинки заморские,
Нам не дороги вещицы астраханские:
Дорога нам твоя буйная головушка“.
Буйну голову срубили с губернатора,
Они бросили головку в Волгу-матушку;
Сами молодцы ему тут насмехались:
„Ты добре ведь, губернатор, к нам строгонек был,
Ты ведь бил нас, ты губил нас, в ссылку
ссылывал,
На воротах жен, детей наших расстреливал“.

Вид Сиратова с Соколовой горы. С рисунка А. П. Боголюбова.

Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Протекала, пролегала мать Камышенка река;
 Как с собой она вела круты красны берега,
 Круты красны берега и зеленые луга;
 Она устьищем впадала в Волгу матушку реку;
 Что по той ли быстрине, по Камышенке реке,
 Как плывут тут выплывают два снарядные стружка,
 Хорошо были стружочки изукрашенные,
 Они копьями, знамены, будто лесом поросли,
 На лужках сидят гребцы, удалые молодцы,
 Удалые молодцы, все донские казаки,
 Да еще же Гребенские, Запорожские,
 На них шапочки собольи, верхи бархатные,
 Еще смурые кафтаны кумачом подложены,
 Астрахански кушаки полушолковые,
 Пестрядинные рубашки с золотым галуном,
 Что зелен сафьян сапожки, кривые каблуки,
 И с зачосами чулочки, да все гарусные;
 Они веслами гребут, сами песенки поют;
 Они хвалят, величают православнова царя,
 Православнова царя, императора Петра;
 А бранят они клянут князя Меншикова:
 Что с женою и с детьми и со внучатами
 Заедает вор собака наше жалованье,
 Кормовое, годовое, наше денежное
 Да еще же не пускает нас по Волге погулять,
 Вниз по Волге погулять, сдунинаю воспевать.

Вниз-то была по матушке Камышенке реке,
 Супротив-то было устьеца Самары реки,
 Что плывет тут легка лодочка коломенка;
 Что в лодонки сидит млад посланник царев,

Карамышев князь Семен сударь Константинович,
В левой он руке держит государев указ,
А во правой руке держит саблю острую.
Что по крутому, по красному бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Что ходили тут — гуляли добрые молодцы,
Добрые молодцы гуляли, все донские казаки,
Все донские, гребенские, запорожские.
Да и славны казаки, братцы, яицкие.
Они думали крепку думушку за едино,
Что сказали все словечушко во единый глас,
Становили они пушку, братцы, медную,
Закатили в нее ядрушко чугунное,
Что палили они в лодочку коломенку:
Никого они в лодочке не ранили,
Только убили одного царского посланника.

20

Что пониже было города Саратова,
Что повыше было села Царицына:
Протекала, пробегала мать Камышенка река,⁹
Она устьищем впадала в Волгу матушку реку.
Что по той ли по матушке по Волге по реке
Что плывут туда, выплывают есаульны стружки,
Хорошо добре стружочки изукрашены,
Они копиями и знаменами да што лесом сафьяны,
Что на тех ли на стружочках добрые молодцы сидят,
Добрые молодцы сидят, да все донские казаки,
Все донские, гребенские, запорожские казаки,
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
На них смурые кафтаны кумачом пушены,
Александрийские рубашки все косые вороты,
Все косые вороты да с золотым галуном,
Ой в весельцы гребут да сами песенки поют,
Они хвалят, величают православнова царя,

Православнова царя-да, императора Петра,
Императора Петра, сударь Алексеевича,
Што бранят ли проклинают они князя Репнина,
Они князя Репнина и Голицына с детьми,
Заедает вор собака наше жалованье
Кормовое, годовое, наше денежное,
Он на ту казну построил, белые каменные палаты,
Што ни хуже, ни лучше государева дворца,
Ой што крючья и пробои да все на золоте,
Да что петли и скобы по булату злачены,
Только тем дворца похуже—верхи не золотые.

21. КАЗАНЬ-ГОРОД

У колодеца было да у студеного,
У того ключа да подземельного,
Красна девица да воду черпала,
Добрый молодец коня поил;
Он коня поил да коня доброго,
Он красну девчину да обманивал,
Обманивал, подговаривал:
„Ты иди, девица, за меня замуж,
За меня замуж во Казань город.
Наш Казань город на горе стоит,
Казань реченька да медом течет,
Мелки ручейки да зеленым вином,
По горам да по высоким
Лежат камешки да самоцветныи,
По лугам да по зеленым
Трава растет да ведь шелковая,
На траве цветут цветы лазуревы,
По лесам да лесам темным
Дороги звери-куны заморские.
Еще с по морю-морю синему
Изпо-синему морюшку турецкому

— Тут он хвастает своим житьем-бытьем:
Уж у меня по морю-то ходит 30 кораблей,
Как един-то корабль изукрашен был,
Еще корма да нос излажены по-турецкому,
Еще парусы на кораблях камчатые,
Снурочки на кораблях шелковые,
Место глаз-то было еще вставлено
По дорогому по камню по яхонту,
Место бровь-то было да проведено
По дорогой кунице по заморской“.

— Не подговаривай же, добрый молодец, не
обманивай;

Я сама знаю, сама ведаю
Про славный ваш город про Казань:
В Казань-городе я родилася,
В Казань-реченьке я крестилася,
В мелких ручейках бело мылася.
Казань-реченька водой течет,
Мелки ручейки да горючьми слезьми;
По горам вашим высокиим
Не камышки да самоцветныи;
Лежат головы, да все буйныи;
На лугах трава не шелковая,
Растет травонька да все болотная;
По лесам да вашим темным
Звери, да все съедучии,
Змии да все клеvучии.
Из-по морюшку по турецкому
Ходят корабли все да шведскии.
По пустым ты, добрый молодец, расхвастался,
Я замуж пойти да тут не вздумала.

22

На море стояли разбойнички семь годов,
Разбивали судна-корабли армянски, татарски и
купечески;

Они думали-гадали думу крепкую заединую:
Кому у нас, ребята, атаману быть?
— Атаману быть Ивану Тимофееву;
Есаулу быть Никитушке Васильеву.
Как-то нам, ребятушки, города пройти?
Астрахань-то славно-мати пройдем с вечера,
Царицын городочек—во глуху полночь,
Саратов и Дубовку — на белой заре;
А Самаре городишке не поклонимся;
В Жигулинских горах остановимся;
Колышки вколотим кленовые,
А причалами причалимся шелковыми,
Атаманушку Иванушку сведем под руки,
Есаулушка Никитушка и сам сойдет.

23

На стороне Саратова что за огонь горит?
Со стороны Саратова что за дымок?
Павел Петрович садится царем,
Павел Петрович становится государем.
— Не (садись), дитяtko, не (садись), сынок,
— Я не мог удержать, привести в порядок.
— Я удержу, батюшка, я удержу, кормилец.
— Из человеческой крови я пушу широкие реки,
— Из человеческих костей я построю мосты
через них.

24

Из-за леса, леса темного
Не бела заря занималася,
Не красно солнце выкаталось:
Выезжал туто добрый молодец.
Добрый молодец Емельян-казак,
Емельян-казак, сын Иванович.
Под ним добрый конь — сив-бур-шахматный,

Емельян Пугачев. С гравюры неизвестного художника.
Государственный музей изобразительных искусств.

Сива гривушка до сырой земли.
Он идет — спотыкается,
Вострой сабелькой подпирается,
Горючими слезами заливается:
„Что ты, мой добрый конь, рано спотыкаешься.
„Али чайть над собой невзгодушку,
„Невзгодушку, кроволитьеце“.
Мы билися троя сутки,
Не пиваючи, не едаючи,
С добра коня не слезаючи.

25

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
„Скажи, скажи, Пугаченька, Емельян Иваныч,
Много ли перевешал князей и боярей?“
„Перевешал вашей братьи семьсот семь тысяч,
Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою бы на шею варовинны вожжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил“.
Граф Панин испужался, руками сшибался:
„Вы берите, слуги верны, вора Пугачева,
Поведите-повезите в Нижний-городочек,
В Нижнем объявите, в Москве покажите,
Все московски сенаторы не могут судити“.

26

„Как во славном городе Астрахани
Проявился добрый молодец,
Добрый молодец, Емельян Пугач;
Обряженный он в кафтанчик сто рублей,
Шефорочек на нем в пятьдесят рублей.
Шапочку на бекрень держит;
Во правой ли руке тросточка серебряная,

На тросточке ленточка букетовая.
Хорошо он по городу погуливает,
А тросточкой упирается, ленточкой
похваливается,
Со князьями, со боярами не кланяется,
К астраханскому губернатору и под лад не
идет.

Астраханский губернатор призадумался;
Он увидел из хрустального стекла;
Посылает за ним слуг верных,
Допросить его словесным допросом.
Нагоняли его слуги верные,
Допрашивали его словесным допросом:
„Какого ты рода-племени,
„Царь ли ты или царский сын?“
А он им на то молвил:
„Я не царь и не царский сынок.
„Я родом — Емельян Пугач,
„Много я вешал господ и князей,
„По России вешал я неправедных людей“.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1

„Сиротка, ты, сироточка, сиротинушка горькая,
Сиротинушка ты горькая, горемычная!
Запой-ка ты, сиротка, с горя песенку!“

— „Хорошо вам, братцы, петь, — вы пообедали,
А я, сирота, лег не ужинавши,

Лег не ужинавши, встал не завтракавши!

У меня ли, у сироты, нет ни хлеба, ни соли,

Нет ни хлеба, ни соли, нет ни кислых щей;

Одна корочка-засушенка, и та летошняя!“

— „Ты скажи, скажи, сирота, кто тебя воспроизвел?“ —

— „Воспроизвела меня, сиротку, родна матушка,

Воспоила, вскормила меня Волга-матушка;

Воспитала меня легка лодочка ветляненка;

Возлелеяли меня няньки-мамки — волны быстрые;

Возростила меня чужа дальна сторона Астраханская;

Я со этой со сторонухи на разбой пошел“.

— „Ты скажи, скажи, сиротка: с кем разбой держал?“

— „Не один я разбой держал, — с тремя товарищами:

Первый мой товарищ — ночь темная;

Другой мой товарищ — конь добра лошадь;

Третий мой товарищ — стально ружье!“

Еще что же вы, братцы, призадумались,
 Призадумались, ребяташки, закручинились,
 Что повесили свои буйные головы,
 Что потупили ясные очи во сыру землю?
 Еще ходим мы, братцы, не первый год
 И мы пьем-едем на Волге все готовое,
 Цветно платье носим припасеное!
 Еще лих на нас супостат-злодей,
 Супостат-злодей, генерал лихой:
 Высылает из Казани часты высылки,
 Высылает все-то высылки солдатские.
 Они ловят нас, хватают, добрых молодцев,
 Называют нас ворами-разбойниками.
 И мы, братцы, ведь не воры, не разбойники,
 Мы—люди добрые, ребята все поволжские;
 Еще ходим мы на Волге не первый год,
 Воровства и грабительства довольно есть.

4

„Как за барами было житье привольное,
 Сладко попито, поедено, похожено,
 Вволю корушки без хлебушка погложено,
 Босиком снегу потоптано,
 Спинушку кнутом попобито,
 До пьяна слезами понапоено...
 А теперь за бар мы богу молимся:
 Божья церковь — небо ясно,
 Образа ведь — звезды чистые,
 А попами — волки серые,
 Что поют про наши душеньки.
 Темный лес-то — наша вотчина,
 Тракт и проезжий — наша пашенька.
 Пашню пашем мы в глухую ночь.

Собираем хлеб не сеявши,
Не цепом молотим — слегию
По дворянским по головушкам,
Да по спинушкам купеческим...
С золотой казной мы — вольные:
Куда глянешь — наша вотчина,
От Козлова до Саратова,
До родимой Волги матушки
До широкого раздольца.
Там нет смерти нам, ребяташки!..“

5. СЕНОКОСНАЯ

Как на рецьке, рецьке
На матушке Волге,
 На матушке Волге
 Два брата косили.
На матушке Волге
Два брата косили.
 Два брата косили,
 Два брата родные.
Два брата косили,
Два брата родные.
 Два брата родные,
 Две сестры родные.
Два брата родные
Две сестры родные.
 Две сестры родные
 Обе молодые.
Обе молодые,
На встречу сестрицам.
 На встречу сестрицам
 Двое дворенина,
Двое дворенина
Оба молодые

Оба молодые
Дали вот сестрицам.
Дали вот сестрицам
По коню держати.
По коню держати
Давай-ко сестриця,
Давай-ко, сестриця,
Одну думу думать,
Одну думу думать:
Нам коней держати,
Нам коней держати,
Али отпущати.
Али отпущати.
Мы отпустим коней,
Мы отпустим коней,
В яровое поле
В яровое поле
Кинем, бросим узды,
Кинем, бросим узды
В ракитовы кусты.
В ракитовы кусты.
Кинем, бросим сани,
Кинем, бросим сани
Во матушку Волгу
Во матушку Волгу!
Теки, теки, Волга,
Теки, теки, Волга,
Во синее море
Во синее море
Дуйте, ветероцьки,
Дуйте, ветероцьки,
Со цистово поля,
Со цистово поля,
Доносите вести,
Доносите вести
До родимых братцев!

До родимых братцев.
Братья услышали,
Братья услышали,
Косы прибросали,
Косы прибросали,
Зелены покосы,
Зелены покосы,
Сено проклинали:
Сено проклинали:
Штебы это сено,
Штебы это сено
На огне сгорело!
На огне сгорело.
Весь бы этот пепел
Весь бы этот пепел,
Ветром разносило!

6

Волга, моя матушка,
Русская река,
Пожалей, родимая,
Силы бурлака!
Айда-да-айда,
А-а-а-айда.

Эх, устали ноженьки,
Лямка тянет грудь,
Прикажи, родимая,
Ветерку подуть.
Айда-да-айда,
А-а-а-айда.

Волга, моя матушка,
Грустная река,
Не забудь, кормилица,
Старого бурлака.
Айда-да-айда,
А-а-а-айда.

Ой-еей, ой-еей
 Дует ветер верховой!
 Мы иде-о-ом босы, голодны,
 Камень-о-ом ноги порваны.
 Ты пода-а-ай, Микола, помочи,
 Доведи-и-и, Микола, до ночи!
 Эй, ухнем! Да ой ухнем!
 Шагай крепче, друже,
 Ло-жись в лямку туже!
 Ой-ой, оеей!...

8. ПЕСНЬ БУРЛАКОВ

Маркалитка вор не русский
 И соорил карапъ русский,
 Ах, ну, ох ты мне,
 И соорил карапъ русский.
 В Петербурге планы снял,
 Ему дорог карапъ стал,
 Ах, ну, ох ты мне,
 Ему дорог карапъ стал.
 Нас музуров нанимал,

 Мы музуры нанялись,
 На кораблик забрались.
 Ах, ну, ох ты мне,
 На кораблик забрались,
 На кораблик забрались,
 Скоро с якоря снялись,
 Ах, ну, ох ты мне,
 Скоро с якоря снялись.
 Как один-то музур вечный
 Говорит, что ветер встречный,
 Ах, ну, ох ты мне,
 Говорит, что ветер встречный.

Другой на носу сидит,
Громким голосом кричит,
Ах, ну, ох ты мне,
Громким голосом кричит.

Уж ты дядя, долгий нос,
Прикажи подать завоз,
Ах, ну, ох ты мне,
Прикажи подать завоз.

Мы подачей работали,
В году праздников не знали,
Ах, ну, ох ты мне,
В году праздников не знали.

А как в Персию пришли,
Так и праздники прошли,
Ах, ну, ох ты мне,
Так и праздники прошли.

Где попить, погулять
В мати Астрахани,
Ах, ну, ох ты мне,
В мати Астрахани.

Чисто щепетко пройти
Вдоль по Астрахани,
Ах, ну, ох ты мне,
Вдоль по Астрахани.

С господами покататься
По Кутуму по реке,
Ах, ну, ох ты мне,
По Кутуму по реке.

С архиереями водиться
На Балдинских островах,
Ах, ну, ох ты мне,
На Балдинских островах.

А за свеженькой за рыбкой
На исады, на базар,
Ах, ну, ох ты мне,
На исады, на базар.

За шелковым за товаром
На вечерний на базар,
Ах, ну, ох ты мне,
На вечерний на базар

Вот и как ли каково
В ином нет ничего,
Ах, ну, ох ты мне,
В ином нет ничего.

Вот Черный Яр
Построением взял,
Ах, ну, ох ты мне,
Построением взял.

Одна изба на боку,
Друга без верху,
Ах, ну, ох ты мне,
Друга без верху.

Невитые калачики
Царицынские,
Ах, ну, ох ты мне,
Царицынские.

А где сладенький медок,
Там Дубовка городок,
Ах, ну, ох ты мне,
Там Дубовка горбодок.

Не соленые калачики
Камышинские,
Ах, ну, ох ты мне,
Камышинские.

А где сохлая мука
Во Хвалыне городу,
Ах, ну, ох ты мне,
Во Хвалыне городу.

.....
Где косые-то заплаты,
Там все Сызранские солдаты,

Ах, ну, ох ты мне,
Там Сызранские солдаты.

Вот тащи волоки

Да Переволоки

Ах, ну, ох ты мне,

Да Переволоки.

А где востры колпачки,

Там Самарски казачки,

Ах, ну, ох ты мне,

Там Самарски казачки.

Где Ширяев Буерак

И Бахилковский овраг,

Ах, ну, ох ты мне,

И Бахилковский овраг.

Воровская, братцы, пристань

В Жигулевских горах,

Ах, ну, ох ты мне,

В Жигулевских горах.

Вот и лышная сторона

Сенгелей городок,

Ах, ну, ох ты мне,

Сенгелей городок.

Дальше Шиловка село,

Погулять в ней весело,

Ах, ну, ох ты мне,

Погулять в ней весело.

Где садами-то довольно,

Там Симбирск городок,

Ах, ну, ох ты мне,

Там Симбирск городок.

Лаптями довольно,

Тут Тетюши городок,

Ах, ну, ох ты мне,

Тут Тетюши городок.

В Богородском мужички

Со стола кашу продали,

Ах, ну, ох ты мне,
Со стола кашу продали.
Тенишево во долу,
По три вора во дворе,
Ах, ну, ох ты мне,
По три вора во дворе.
 Антоновка на горе,
 По три девки на дворе,
 Ах, ну, ох ты мне,
 По три девки на дворе.
Красновидово село,
Его под гору свело
Ах, ну, ох ты мне,
Его под гору свело.
 А Буртасское село,
 Все садовник наголо,
 Ах, ну, ох ты мне,
 Все садовник наголо.
А Теньковское село,
Да голворезы наголо,
Ах, ну, ох ты мне,
Да голворезы наголо.
 Лабышкински мужички,
 С покрывками хомуты,
 Ах, ну, ох ты мне,
 С покрывками хомуты.
Гладеньки лошаденки
Шеланговски мужичонки,
Ах, ну, ох ты мне,
Шеланговски мужичонки.
 Гребневски мужики,
 У них долгие кнуты,
 Ах, ну, ох ты мне,
 У них долгие кнуты.
А Ташевское село,
Рыболовщик наголо,

Ах, ну, ох ты мне,
Рыболовщик наголо.

Матюшкински мужички
Да все каменщички,
Ах, ну, ох ты мне,
Да все каменщички.

Ключишински мужички
Мочальные хомуты,
Ах, ну, ох ты мне,
Мочальные хомуты.
Где котами башмаками,
Там Казань городок,
Ах, ну, ох ты мне,
Там Казань городок.

А Услонски девушки
Все молошнички,
Ах, ну, ох ты мне,
Все молошнички.
Студенецкие старушки—
Огурешнички,
Ах, ну, ох ты мне,
Огурешнички.

Вот и кинуло валом
На ту сторону на них,
Ах, ну, ох ты мне,
На ту сторону на них.
А Тетеево село
Все гречушник наголо,
Ах, ну, ох ты мне.
Все гречушник наголо.

Беяковски мужики,
У них вшивы тулупы,
Ах, ну, ох ты мне,
У них вшивы тулупы.
А Читакски мужички
Да лошаденку увести,

Ах, ну, ох ты мне,
Да лошаденку увести.
А Куптецки мужички
Да все луковичники,
Ах, ну, ох ты мне,
Да все луковичники.
А Никольское село
Все садовник наголо,
Ах, ну, ох ты мне,
Все садовник наголо.
А Пигольски мужички
Все попить да погулять,
Ах, ну, ох ты мне,
Все попить да погулять.
Тарлашинское село
Все пчеляк наголо,
Ах, ну, ох ты мне,
Все пчеляк наголо.
Ковалинское село
Все дрова запродать,
Ах, ну, ох ты мне,
Все дрова запродать.
Девилькеево село
Все картошник наголо,
Ах, ну, ох ты мне,
Все картошник наголо,
Борисовски мужички
Сыромятнички,
Ах, ну, ох ты мне,
Сыромятнички.
Где чувашами довольно
Чебоксары городок,
Ах, ну, ох ты мне,
Чебоксары городок.
На топе на горе
Василь-Сурск городок,

Ах, ну, ох ты мне,
 Василь-Сурск городок.
 Там где гладкая Сакмичка,
 Это Фокинско,
 Ах, ну, ох ты мне,
 Это Фокинско.
 Вот Слопинец да Татинец,
 Всем мошенникам кормилец,
 Ах, ну, ох ты мне,
 Всем мошенникам кормилец.
 Рядом тут село Работки,
 Покупай хозяин водки,
 Ах, ну, ох ты мне,
 Покупай хозяин водки.
 А за ним село Безводно.
 Живут девушки зазорно,
 Ах, ну, ох ты мне,
 Живут девушки зазорно.
 Вот село Великий враг,
 В каждом доме там кабак,
 Ах, ну, ох ты мне,
 В каждом доме там кабак.
 А вот Кстово-то христово
 Развеселое село,
 Ах, ну, ох ты мне,
 Развеселое село.
 Хоша чарочки маленькие,
 Да винцо хорошо,
 Ах, ну, ох ты мне,
 Да винцо хорошо.
 Вот Куманское село,
 В три дуги меня свело,
 Ах, ну, ох ты мне,
 В три дуги меня свело.
 А вот Нижний городок,
 Ходи, гуляй в погребок,

Ах, ну, ох ты мне,
Ходи, гуляй в погребок.
Еще Сормово село,
Соромники наголо,
Ах, ну, ох ты мне,
Соромники наголо.
А вот село Козино
Много девок свезено,
Ах, ну, ох ты мне,
Много девок свезено.
Город, город Балахна
Стоит полы распахня,
Ах, ну, ох ты мне,
Стоит полы распахня.
Город, город Городец,
В нем народ молодец
Ах, ну, ох ты мне,
В нем народ молодец.
Где горшками нагрузиться,
В Васильевской слободе,
Ах, ну, ох ты мне,
В Васильевской слободе.
Где телятами довольно,
Там Пучеж городок,
Ах, ну, ох ты мне,
Там Пучеж городок.
Город Юрьевец поволжский
Постройкой взял,
Ах, ну, ох ты мне,
Постройкой взял.
Решма, да Кинешма —
Пить да кутить,
Ах, ну, ох ты мне,
Пить да кутить.
Солдыга Горюха
Убытки платить,

Ах, ну, ох ты мне,
Убытки платить.
А вот город Кострома
Гульливая сторона
Ах, ну, ох ты мне,
Гульливая сторона.

9

Как пошли наши бурлаки
На рынок гуляти,
На рынок гуляти,
Алы ленты закупати,
Алы ленты закупати,
Красных девок даровати,
Красных девок даровати,
За то девок целовати...

10

Перед нашими вороты,
Перед нашими вороты,
Люли, люли, бурлаки!

Перед нашими вороты.
Разыгрались ребята.
Люли, люди, бурлаки!

Все ребята молодые,
Молодые, холостые.
Люли, люли, бурлаки!

Они шуточки шутили,
Во новы сени вскочили,
Люли, люли, бурлаки.

Во новы сени вскочили,
Новы сени подломили,
Люли, люли, бурлаки!
Новы сени подломили,
Красну девку подманили,
Люли, люли, бурлаки!
Красну девку подманили,
В новы сани садили.
Люли, люли, бурлаки!
Ты садися, девка, в сани
Ты поедешь, девка, с нами.
Люли, люли, бурлаки!
С нами, с нами молодцами,
С понизовыми бурлаками.
Люли, люли, бурлаки!
У нас жить будешь добренько,
У нас горы золотые.
Люли, люли, бурлаки!
У нас горы золотые,
В горах камни дорогие.
Люли, люли, бурлаки!
На обман девка сдалася,
На бурлацкие пожитки.
Люли, люли, бурлаки!
А бурлацкие пожитки,
Что добры да не велики,
Люли, люли, бурлаки!
Что добры, да не велики,
Одна лямка, да котомка,
Еще третья-то оборти.
Люли, люли, бурлаки!

11. АЙ, ДУБИНУШКА, ОХНИ

Эй, ребятаушки, собирайтесь,
За веревочку хватайтесь.

Ай, дубинушка, охни,
Ай, кудрявая, сама пойдет,
Подернем, подернем, подернем.
Ух!

Эй, старатели, валяй!
Выше, выше поднимай!

Ай, дубинушка и т. д.

Ну, робята, не робейте,
Свои силы не жалейте!

Ай, дубинушка и т. д.

Запоемте песню нову
Про Дуняшу черноброву!

Ай, дубинушка и т. д.

Как Дуняша воду носит,
А Иван напиться просит!

Ай, дубинушка и т. д.

А у летняго у саду
Я попался раз в засаду!

Ай, дубинушка и т. д.

Что, ребята, припотели,
Али водки захотели?

Ай, дубинушка и т. д.

Запоемте песню толком,
Не шабашат что-то долго!

Ай, дубинушка и т. д.

Как Макарьевски мещане
Приходили к нам за щами.

Ай, дубинушка и т. д.

Как Московский барин чинный
Потерял тулуп овчинный!

Ай, дубинушка и т. д.

Арестантская как рота
Тащит чорта из болота.

Ай, дубинушка и т. д.

Эх, ребята, не робейте,
Свои силы не жалейте!

Ай, дубинушка и т. д.

По последнему залогу
Мы найдем к вину дорогу!

Ай, дубинушка и т. д.

Как по Митровке Петровке
Пробежали две плутовки!

Ай, дубинушка и т. д.

Как Кузнецки белошвейки
Пропили свои шубейки.

Ай, дубинушка и т. д.

Петербургски девки модны
По три дня сидят голодны...

Ай, дубинушка и т. д.

Мы последнюю затурим,
Сядем, трубочки покурим!

Ай, дубинушка и т. д.

(Для окончания)

Ай, ну старатели,

Ай, тащите!...

Идет она...

Не спорит...

Ай, ле, ле, ле...

Ну, матвеевцы!...

12. НА КАЛИНЕ СОЛОВЕЙ

На калине соловей-птица сидит,
Горьку ягоду калинушку клюет,

Гей, гей!

Прилетели к соловью соколы
Из казани из Астрахани,

Гей, гей!

Посадили его в клеточку
За серебряну решеточку,

Гей, гей!

Уж ты пой, распевай, соловей,
При печали утешай молодца,

Гей, гей!

При печали утешай молодца,
При кручине красну девицу,

Гей, гей!

13

Я с хозяином расчелся,
В путь-дороженьку собрался.
Всю дороженьку проехал,
Об расчете тосковал;
Куда денежки девал,
Все на счета просчитал.
Через девять ден в десятый
Во деревню жить пришел.
Я приехал оборванный,
Всяк смеется надо мной.

Стал я правдой оправдаться,
Но в три голоса кричат:
„Невозможно тому верить,
Чтобы денег не нажить!
Во Самаре денег много,
Только даром не дают!
Погребков, трактиров много,
Точно кормят на убой,
Точно кормят на убой.
Чаем голову хоть мой!
Поживи-ка ты в деревне,
Похлебай-ка серых щей,
Похлебай-ка серых щей,
Поломай-ка в лесу лык“
Мне наскучило в деревне,
В Петербург проситься стал
„Вы пустите меня в Питер,
Я не буду баловать,
Я не буду баловать,
Стану деньги наживать;
Когда гривенка случится, —
В сундучек ее запру;
А целковый заведется, —
Я к сударушке снесу!“

14

Ой о то-то, то-то, ой о то-то, ой о то-то
Ой уж вы горушки, ой высоко-высокие.
Ой о то то, то-то, ой о то-то, ой о то-то. ¹
Ой ничего горы да не породили,
Ой породили горы да сер горячий камень.
Ой из-под камешка бежит речушка,
Ой речка быстрая, омутистая,

¹ Припев повторяется после каждого стиха.

Ой по прозваньичу Во Волга-матушка,
Ой широко Волга ра разливалася,
Ой с крутым бережком по-поровнялася,
Ой покрыла Волга все горы долы,
Ой все долы горы зеленые луга,
Ой только остаетче тут ракивов куст,
Ой на кусту сидит вот ясен да сокол,
Ой во когтях держит да черна ворона,
Ой бить-то он не бьет, да только спраши-
вает:

Ой где ты! ворон был, да где сполетывал?
Ой был я спобывал во таких то местах,
Ой во таких местах во диких ну степях,
Ой видал сповидал да тело мертвое,
Ой тело мертвое да молодецкое.
Ой никто к этому телу не прилетывал,
Ой прилетали-ты ой да три пташечки,
Ой перьва пташичка ой ро-родна мамонька,
Ой друга пташичка ро-родной батюшко,
Ой третья пташичка ой молода жона.
Ой плачет мамонька, ой как ручьи кипят.
Ой родной батюшко, ой как река бежит.
Ой молода жона ой как роса падет.
Ой солнышко взойдет да росу высушит.

Бережочек зыблется,
Да песочек сыплется,
Ледочек ломится,
Добры кони тонут,
Молодцы томятся.
Ино, боже, боже,
Сотворил ты, боже,
Да и небо, землю;

Сотвори же, боже,
Весновую службу!
Не давай ты, боже,
Зимовые службы!
Зимовая служба —
Молодцам кручинно,
Да сердцу надсадно;
Ино дай же, боже,
Весновую службу!
Весновая служба —
Молодцам веселье,
Сердцу утеха,
И емлите, братцы,
Яровы весельца,
А садимся, братцы,
В ветляны стружочки;
Да грянемте, братцы,
В яровы весельца,
Ино вниз по Волге.
Сотворил нам, боже,
Весновую службу.

16

Калинушку с малинушкой водой залило,
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись с разумом, меня замуж отдала.
Я три года у матушки в гостях не была.
На четвертый год вздумала, пошла.
Я скинуся, сброшуся горькой пташечкой,
Полечу я, горькая, в матушкин садок,
Сяду я, горькая, на сладкую яблонь.
Слезам-то горючими весь сад затоплю,
Причетами горькими живот-сердце иссушу,
А матушка ходит по новым сениям,
Невестушек-ластушек побуживает:

„Невестушки-ластушки, встаньте скорей!
Что у нас во садике пташечка поет?
Где она, горькая, причеты берет?“
Большой-то брат скажет: „давай застрелим!“
„Средний брат скажет „давай поймаем?“
А меньшей-то брат скажет: „на что вам ее!“
Не наша ли, горькая, с чужой стороны,
Поди же ты, горькая, в наш высок терем,
Про свое горе расскажи, про наше спроси:
Как батюшку с матушкой за Волгу везуть,
Большого-то брата в солдаты куют,
А среднего-то брата в лакеи стригут,
А меньшого-то брата в приказчики“.

17

Уж ты, воля, наша воля,
Со весны воля до осени,
Волюшка до осени!
На осень будет большой набор
На три города губернские:
На первый город—Архангельский,
На другой город—Саратовский,
На третий город—на Вологду,
На Волынски славны вотчины,
На сиротских малых детушек,
У сиротских малых детушек
Ни отца нету, ни матери!
Повезут ребят в солдатушки,
Во Казенную палатушку;
Забривать будут ребятушкам
Волосы кудрявые;
Скидывать будут сибирочки,
Надевать будут шинелочки,
И все серые.
Ах, прощайте, девки, бабы,

Нам тепере не до вас:
Во солдаты везут нас!
Во солдатушки поедем,—
С горя песни запоем...
С горя ноженьки не носят,
Глаза на свет не глядят...

18

На что наши буйные головушки,
На что они зародились?
Знать-то, наши буйные головушки
Во службу царю пригодились...
Посадили меня, добра молодца,
Во черные новы сани;
Повезли-то меня, разудалого,
Во губернский город Саратов;
Повели-то меня во Казенную палату,
Поставили молодца под меру.
Как и бреют-то мои русы кудри,
Бреют их, не жалеют...

19

Не вечерняя заря, братцы, приутухла,
Полунощная звезда, братцы, восходила.
Что во славном было городе Казани,
Что на крутеньком, на красном бережочке,
Что на желтом на сыпучем на песочке,
Тут не черные вороны солетались,
Собирались понизовые бурлаки:
Они думали крепкую думушку заедино:
Ах, состроим мы ребятушки сгребной стружок
И подделаем заключинки кленовые,
Изнавесим мы веселочки ветловые,
Что мы грянем, ребятушки, вниз по Волге,

Остановимся, ребяташки, среди Волги
Супротив того стольникова дому,
Что у стольничья прикащика дочь хороша.
Что просилась дочь у батюшки погуляти:
„Ай, пусти, пусти меня, батюшка, погуляти,
Понизовых тех бурлаков поглядети“...
Понизовые бурлаки злы, лукавы,
Напоили красну девицу до пьяна.
Уж как та ли красна девица уснула
У поволжского атамана на коленях.
Да что взговорит поволжский атаман:
„Уж мы грянемте, ребяташки, вниз по Волге,
Чтобы не было от стольника погони“.
От сна ли красная девица пробудилась
И за очи с отцом, с матерью простилась.

20

При долинушке
Вырос куст калинушки.
На этой на калинушке
Сидит соловейко,
Сидит, громко свищет,
Под неволюшкой
Сидит добрый молодец,
Сидит, слезно плачет.
Во слезах своей любушке
И сударушке
Письмеца посылает:
Ты не тоскуй,
Моя любушка и сударушка!
И сам я сгоревался,
И по тебе, любезная,
Стосковался,
Малешенек у меня
Сыночек остался.

И кто же мою сиротушку
Воспоил-вскормил?
Воспоил-вскормил меня
Православный добрый мир.
Еще кто тебя
Принавынежил?
А повынежила меня
Волга-матушка;
Принавыкачала меня
Лодка: легкая;
Призамучила же меня после
Лямка твердая,
Лямка твердая и астраканская.
После вышел я на берег
И вздумал об своей стороне.
Я бы вздумал побывать,—
Не знаю, когда быть.

21

Близко, близко городочка,
Близ зеленого садочка,
Близ зеленого сада,
Близ города Ярославля,
Не далече от реки,
Початой слободы,
На прекрасе красоте,
На высокой на горе,
На высокой на горе,
Стоял фабричек большой.
В том фабричке ребята—
Удалые молодцы,
Удалые, молодые,
Не женаты, холостые.
Собиралися ребята
С того фабрика гулять,

На прекрасу-красоту,
На высокую гору;
Садилися по краю,
Близ зеленого сада,
Близко зеленого сада,
Близ города Ярославля;
Садилися, песни пели,
Соловьям свистать велели:
„Соловьёшки, свищи!
Разгуляться к вам пришли!“
Соловьёшки свистали
Молодцов всех утешали.

22

Как у нас было, ребята,
В Ярославле городе,
В Ярославле городе,
Во Толчковой слободе,
У солдати у вдовы,
У солдати у вдовы
Были девки хороши,
Был Васильюшка сынок,
Ковры ткать мастерок;
Ковры точет-вытыкает
И наборы набирает;
Он горазд письма писать,
Горазд грамотки читать.
При компанье пребывает,
Сам во скрипочку играет.
Заиграли на скрипице
Для души красной девицы,
Для школьных, манерных
Для Пашеньки вдовиной.
Говорила Паше мать,

Уговаривал и брат:
„Полно, Пашенька, уймись,
С молодцами не водись!
Доведут тебя ребята
До славушки до худой!“
„Хоть худой славы добиться,
А со всеми поводиться!“

23

Что по сеням было, сеням,
По новым сеням да по высокиим,
Ходила тут красна девица,
Ходючи, она горько плакала,
Ко крылечушку припадаючи,
Волгу матушку причитаючи:
Широко ль Волга разливается —
По лугам-лугам зеленым,
По травушке, по муравушке,
По цветочкам по лазоревым...
Ах ты, батюшка Ярославль город,
На горе стоишь, на всей красоте,
Промеж двух рек, промеж двух быстрых:
Первая река—Волга матушка;
Другая река—Котросль быстрая.
Что сверх было Котросли быстрыя,
Бежала тут лодка маленькая.
Всем лодка изукрашена—
Черным бархатом с позументом.
Пролуженными гвоздями приколочена.
На носу сидит есаул с багром,
На корме сидит атаман с ружьем,
По краям сидят добры молодцы,
Добрые молодцы, донские казаки,
Что везут они тело белое,
Что бело тело, тело мертвое,

Тело мертвое, убитое
Молодого полковника,
Моего прежнего полюбовника,
Моего ли друга милого...

24

Вы, заводы ли, вы, заводушки,
Вы, кирпичные, горемычные!
Завела-то вас красна девица,
Красна девица Пелагеюшка,
Завела то вас, сама в лес пошла.
В лесу девица заблудилася.
На рябинушку загляделася,
„Ты, рябинушка, ты, кудрявая,
Ты, кудрявая, моложавая,
Ты не стой, не стой близ быстрой реки,
Близ быстрой реки — Волги матушки!
Как весна придет, с гор вода польет,
И подмоет все твои корнюшки,
Разнесет твои листья ранние...”

25

Разыгралась, разбушевалась Сура река,
Она устьищем упала в Волгу матушку.
На устьище вырос част ракитов куст,
У кустика лежит бел горяч камень,
А у камушка сидят все разбойнички;
Сидят-то они, дуван дуванят,
Да кому-то из них что достанется,
Кому золото, кому серебро,
Кому кунья шуба, кому золот перстень.
Одному добру молодцу ничего не досталось
Доставалась ему одна красна девушка.

Как растужится-разгорюется удал добрый
молодец:

„Во разбое-то я у вас первый был,
Во дуване-то я у вас последний стал!“
Как возговорит ему красна девушка:
„Ты не плачь, удал добрый молодец!
У меня, у красной девицы, есть кунья шуба,
Кунья шуба стоит восемьсот рублей;
Еще есть у меня, девушки, золотой
перстень.

Золот перстень стоит девятьсот рублей“.
Как возрадуется удал добрый молодец,
Что бросился ей на белую грудь,
Целовал ее белы рученьки.

26

Мы пройдемте-ка, братцы, вдоль по улице,
Запоемте-ка, братцы, песню новую,
Мы не сами про себя, — мы про Волгушку.
Широко ты, Волгушка, разливалась,
Спотопляла, Волгушка, все горы и долы,
Все горы да все долы, луга зелены.
Как на этих на лужках часты островцы. —
Как на этих островочках част ракивов куст
Да на этом на кусточке свито гнездышко,
Не просто свито гнездо, — соловьиное;
Уж повыше-то того — соколиное.
Высоко сокол сидит, далеко, ох, он глядит,
Далеко сокол глядит — во чистое поле,
Как во чистое во поле, на синее море.
Да на синеем на море три кораблика.
Еще первый вот корабль — родной батюшка;
Что другой-то корабль — родна матушка;
Еще третий-то корабль — мил сердечный
друг.

Ты, долина моя, долинушка, раздолье широкое!
 Ничего на тебе, моя долинушка, не уродилось;
 Уродился на тебе, моя долинушка, только садик
 зелен.

Мимо садика, мимо зелена лежала дороженька,
 Что лежала-то дороженька не широкая;
 Никто по той дороженьке нейдет, не проедет.
 Проезжает же по той дороженьке один вор
 Гаврюшка,

Он на трех на своих троечках разношерстных:
 Перва троечка у него коней вороных;
 Другая троечка у него-то коней гнедых;
 Третья троечка коней соловых.
 Что гнались-то за вором Гаврюшкой три погони:
 Первая погонюшка—все солдаты;
 Другая погонюшка—все жандармы;
 Третья погонюшка—все казаки.
 Не догнали вора Гаврюшеньку всего версты за три.
 Приезжает вор Гаврюшенька во город Воронеж;
 Он атласу и бархату закупает;
 Никто-то вора Гаврюшку не признает,
 Что за купчика вора Гаврюшеньку почитают.
 Случилось итти вору Гаврюшеньке мимо темницы;
 Признавала вора Гаврюшеньку своя братия.
 „Уж ты, батюшка наш Гаврюшенька,

разбей ты темницу,

Уж ты выпусти нас всех, молодчиков, на волю,
 На ту ли на волюшку—на матушку на Волгу!“—
 — „Уж вы, братцы мои, товарищи,

мне теперь не время:

За мной гонят же, за Гаврюшенькой, три
 погони;

Первой-то я погонюшки не боюсь;
 Второй-то я погонюшке не поклонюся;
 Третьей-то я погонюшке покорюся“.

На долинушке выросал куст малинушки.
 На кусте сидит млад соловьюшек,
 Он не так сидит—громко свищет.
 Во неволюшке сидит добрый молодец,
 Он не так-то сидит—слезно плачет.
 „Уж и кто же меня воспоил-воскормил?
 Воскормил-то меня православный мир,
 Воспоила меня Волга реченька,
 Выкачала меня легка лодочка...“

Ой вы, доли мои, доли, доли подкошенные,
 Ой вы, горы мои, горы, горы свершенные!
 На горах-то, долах лежит бел горюч
 камень;

Из под камушка бежит речушка,
 Бежит речушка, бежит быстрая,
 Пала устьищем в Волгу матушку.
 Широко Волга матушка разливалась,
 В круты бережки не вбиралась!
 Изошел я Волгу матушку из конца в конец,
 Не нашел нигде отца с матерью,
 Отца с матерью, молодой жены;
 Лишь нашел я одну степь широкую,
 На широкой степи один зеленый сад,
 В зеленом саду три деревца:
 Первое деревцо—кипарисово,
 Другое деревцо—сладка яблонька,
 Третье деревцо—зелена груша;
 Кипарис-то—родной батюшка,
 Сладка яблонька—родна матушка,
 Зелена груша—молода жена.

Уж ты, Волга река, Волга матушка,
 Широко ты, Волга, разливалась,
 Затопила ты, Волга, все боры, доли...
 Что плывет-то по Волге, плывет легка лодочка.
 На корме-то сидит-сидит сын полковничек;
 Он сидит-сидит, сам качается,
 На все стороны он поклоняется,
 С отцом, с матерью он прощается:
 „Ты прости-прощай, отец с матерью.
 Мне не жаль, не жаль отца с матерью,
 Ах мне жаль-то, жаль молодой жены,
 Молодой жены, милых детушек!“

Полелей, Волга река, круты берега,
 Полелей славные желтые пески!
 Вот тебе Волга река
 Да не долго лелеять,—
 От весны, весны вплоть до осени:
 Осень-то придет дождливая,
 Зима-то придет фуртливая,—
 Выпадут снега глубокие,
 Вымерзнут речки морозами,
 Вымерзнут быстрые крещенскими.—
 Полелей-ко, матушка, свое дитятко,
 Полелей, родимая, свое милое;
 Вот тебе, матушка, да не долго лелеять,—
 От утра-утра вплоть до вечера:
 Вечер-то придет, то девичник будет;
 Утро-то придет, то разлука твоя,—
 Придет Иван-сударь на добром коне,
 Приедет Ефимьевич на стоялым,
 Привезет разлучинку на правой руке,
 Разлучит Марьюшку с отцом-матерью,
 Разлучит Ивановну с родом-племенем.

Уж ты Волга, Волга матушка,
 Полелей ты круты бережки,
 Широка Волга, разливица,
 Глубока Волга, прияриста,
 Уж не долго их лелеяти;
 От весны до осени
 До морозов до крещенских.
 Ты, родимый батюшко,
 Полелей ко свое детище—
 Акулину Федосьевну;
 Вот не долго ее лелеяти,—
 От утра только до вечера,
 До удала добра молодца,
 До суда до божьего,
 До злата венца венчального.

Вниз по Волге реке с Нижня-города
 Снаряжен стружок как стрела летит.
 Как на том стружке, на снаряженном,
 Удалых гребцов сорок два сидят.
 Что один из них добрый молодец
 Призадумался, пригорюнился,—
 Не о батюшке, не о матушке,
 Об одной душе красной девице.
 „Уж вы, братцы мои, вы товарищи,
 Сослужите вы мне службу верную:
 Киньте, бросьте меня в Волгу матушку,
 Утопите мою грусть-печаль-тоску“.

Вниз по матушке по Волге,
 По широкому раздолью,
 Разыгралася погода,

Погодушка верховая,
Верховая, волновая.
Ничего в волнах не видно,
Одна лодочка чернеет,
Никого в лодке не видно,
Только паруса белеют,
На гребцах шляпы чернеют,
Кушаки на них алеют.
На корме сидит хозяин.
Сам хозяин во наряде,
Во коричневом кафтане,
Во грезетовом камзоле,
В алом шелковом платочке,
В черном бархатном картузе.
Уж как взговорит хозяин:
„Мы прогрянемте, ребята,
Вниз по матушке, по Волге,
Ко Ленину подворью,
Ко Ивановой здоровью,
Аленушка выходила,
Таки речи говорила:
„Не прогневайся, хозяин,
В чем ходила, в том и вышла,
В одной тоненькой рубашке
И в кумачной телогрейке.

35

Как по садику, по зеленому
Добрый молодец похаживает,
Он тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает.
Каленой стреле приказывает:
„Ты лети, лети, каленая стрела,
Выше лесу по поднебесью,
Пронози, убей, каленая стрела.

Сиза голубя на каменной стене,
Сизу утицу на Волге, на реке,
Красну девицу в высоком терему,
Чтоб досталася ни мне и никому,
Ни разлучнику злодею моему,
Чтоб досталась она матери сырой земле,
Чтоб сырой земле досталась, гробовой доске!

36

Что пониже города Нижнего,
Что повыше села Лыскова,
В луговой-то было сторонущке,
Протекает река быстрая,
И широкая, и глубокая,
По прозваньицу река Терженка;
Она пала устьем в Волгу матушку.
Что сверху-то было Волги матушки,
Выплывала-то легка лодочка.
Уж и всем лодка изукрашена:
Парусами она изувешена,
Ружьями изуважена;
У ней нос-корма — раззолочены;
Что расшита легка лодочка
На двенадцатеры веселочки.
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу стоит есаул с багром,
По краям лодки добры молодцы,
Среди лодки бел тонкий шатер;
Во шатре лежит шелковый ковер,
Под ковром лежит золота казна,
На казне сидит красна девица,
Есаулова сестра родная,
Атаманова полюбовница;
Она плачет, как река льется.
В возрыданье слово молвила:

Вниз по матушке по Волге. С лубочной картинки. 1859 г.

„Не хорош-то мне сон привиделся:
Уж как бы у меня, красной девицы,
Распаялся мой золотой перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталась моя коса русая,
Выплеталась лента алая,
Лента алая ярославская.
Атаману быть застрелену,
Есаулу быть повешену,
Добрый молодцам срубят головы,
Я мне, девушке, во тюрьме сидеть!“

37

Что повыше было села Лыскова,
А пониже было Богомолова,
Как на той было Волге матушке,
Там плывет-гребет легкая лодочка.
Хорошо лодка изукрашена,
Пушкам, ружьям исстановлена.
На носу сидит атаман с ружьем,
На корме сидит есаул с багром,
По краям лодки добрые молодцы,
Добрые молодцы, все разбойнички.
Посеред лодки стоит бел шатер,
Под шатром лежит золота казна,
На казне сидит красная девица,
Есаулова родная сестрица,
Атаманова полубовница.
Она плакала-заливалась,—
Не хорош-то, вишь, сон ей привиделся:
„Раплеталась коса русая,
Выплеталась лента алая,
Лента алая ярославская,
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень;

Атаману быть застреленному,
Есаулу быть пойману,
Добрым молодцам быть повешенным,
А и мне ли, красной девушке,
Во тюрьме сидеть, во неволюшке:
А за то, про то красной девушке,—
Что пятнадцати лет на разбой пошла,
Я шестнадцати лет души губила,
Я зарезала парня белокурого,
Из белой груди сердце вынула,
На ножу сердце встропахнулося,
А и я, млада, усмехнулася“.

38

Ах ты, наш батюшка Ярославль город!
Ты хорош-пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь, на всей красоте,
Промежду двух рек, промеж быстрых—
Промежду Волги реки, промеж Котросли;
С луговой было со сторонущи,
Протекала тут Волга матушка;
Со нагорной да со сторонущи
Пробегала тут речка Котросля.
Что с верху-то было Волги матушки,
Что плывет—гребет легка лодочка.
Хорошо-то была лодка разукрашена:
У ней нос, корма раззолочены;
Что разшита легка лодочка
На двенадцатеры весельца.
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу сидит есаул с багром,
По краям лодки добрые молодцы,
Посреди лодки красна девица,
Есаулова родная сестрица,
Атаманова полубовница.

Она плачѣт, что река льется;
В возрыданье слово молвила:
„Не хорош то мне сон привиделся:
Уж как бы у меня, красной девицы,
На правой руке, на мизинчике,
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень,
Расплеталась моя руса коса,
Выплеталась лента алая,
Лента алая ярославская.
Атаману быть поиману,
Есаулу быть повешену,
Добрым молодцам голова рубить,
А мне, красной девице, в темнице быть!“

39

Волга матушка шумит;
Пароход с верху бежит,
Ко бережку пристает,
Свисток Саше подает.
Полно, Саша, пить-кутить!
Нам не долго с тобой жить:
Я уеду в Казань-город,
Тебя взамуж отдают.
Полюблю кого иного—
Рыболовщичка!
Рыбак рыбушку ловил,
Ночевать ко мне ходил.
Ты, рыбак, рыбак, рыбак!
Привяжи к сети сазана,
При колюбке—судака,
Среди, милой, двора—
Самолучшего сома!
Приходи-ка, Саша, Маша,
У нас рыбы больше нет!

Старинная пляска. С рисунка Монин'а.

У нас рыба все—язи,
Да поймать ее нельзя:
Шельма плавает по дну,
Не поймаешь ни одну...
Заберемся в ряд калачный,
Только брюхо набивать...
Выбегает палач с плетью;
Только спину подставляй.
Он засыплет раз пятнадцать,
Запляшешь казака,
Заревешь, как теленок,
Шире спасского дьячка!
Против носу, против глаз,
Целоваться десять раз.

40

Как сказали про мальчоночка:
Он отцовский дом поджег;
Посадили ли мальчоночка
Во саратовский острог;
Посадили на неделю,
Просидел он круглый год.
Выводили мальчоночка
На паратное крыльцо,
К начальнику на лицо.
Не успел он сказать слова,
Ему троечка готова;
Стал на троечку садиться;
Солдат с кучером сидит.
Вот схватили, покатили
Во незнамое село
Исповедывать его,
Исповедывать, причащать,
Белый саван надевать;
Белый саван с рукавами;

К столбу руки привязали;
Ружейца заряжали.
„Вы не бейте меня в грудь,
Попадайте во лицо!
Через кого ж я пропадаю?
Через родного отца,
Через тестя подлеца,
Через мачеху лихую
Через жену молодую!

41

Растоскуйся ты, моя, ты, моя сударушка, по мне
возгорюйся!
Уж я сам-то, сам по себе, сударушка, сам я
встосковался!
Нападают-то на меня, меня, сиротинушку, ах, да
лихи люди;
Что хотят-то ли, хотят меня, сиротинушку, отдать
во солдаты,
Что куют-то ли, куют меня, сиротинушку, меня
во железа;
Что везут-то, везут меня, сиротинушку, меня ко
приему.
Все приемщики на меня, меня сиротинушку, они
вздивовались:
„Уж и где же ты, где ты, сиротинушка, где ты
уродился?“—
— Породила-то меня, меня, сиротинушку, ах, да
родна матушка;
Воспоил-то, вскормил меня, сиротинушку, православный
мир;
Возлелеяла меня, меня, сиротинушку, ах, да Волга
матушка;
Воскачала-то меня, меня сиротинушку, ах, да легка
лодочка!

Волга реченька глубока!
 Прихожу к тебе с тоской:
 Мой сердечный друг далеко,
 Ты беги к нему волной.
 Ты беги, волна, стремися,
 К другу весть скорей снеси!
 Как стрела к нему пустися
 И словечко донеси.
 Ты скажи, как я страдаю,
 Как я мучуся по нем!
 Говорю, сама—рыдаю,
 Слезы катятся ручьем.
 Помню, милый как прощался,
 И туда вдруг побегу,
 Где со мною расставался,
 Плачу там на берегу.
 С ветром в шуме Волга стонет,
 А я рвуся злой тоской;
 Сердце ноет, ноет, ноет
 И твердит: „Где милый мой?
 Где мой друг, моя отрада,
 Где девался дорогой?..“
 Жизни я тогда не рада,
 Вся в слезах иду домой.
 Но к несносному мученью
 Страсть свою должна скрывать,
 Здесь предавшись слез стремленью,
 Дома вид иной казать.
 Как ни тошно, как ни больно,
 Чтоб не знали страсть мою,
 Покажусь на час покойной,
 Ночь за то проплачу всю.
 „Поспешай ко мне, любезный!
 Ты почувствуй скорбь мою,

Ток очей отри мне слезный,
Облегчи мою судьбу".
Только я уста сомкнула,
Стон пустился вслед за мной;
Мнится, реченька вздохнула,
Понесла слова волной.

43. ПРОПАВШАЯ ДОЧЬ КУПЦА

Как под липой, под липой,
Под кудрявой зеленой,
Сидел молодец такой, —
Держал гусли под полой.
Ах вы, гусли, мои гусли,
Вы, гуселечки мои!
Разыграйте, гусли, мысли,
А я песенку спою
Про женитьбу про свою.
Как женила молодца
Чужа дальняя сторона,
Макарьевска ярмонка!
Вниз по Волге по реке,
У Макарья в ярмонке,
Близ гостинного двора,
У Сафронова купца
Солучилась беда
И не малая,
Что не сто рублей пропало
И не тысяча его;
Пропала у него
Дочь любимая его —
Душа Катенька.

Как искали ту пропажу
По болотам, по лесам,
По Макарьевским пескам;
И нашли эту пропажу

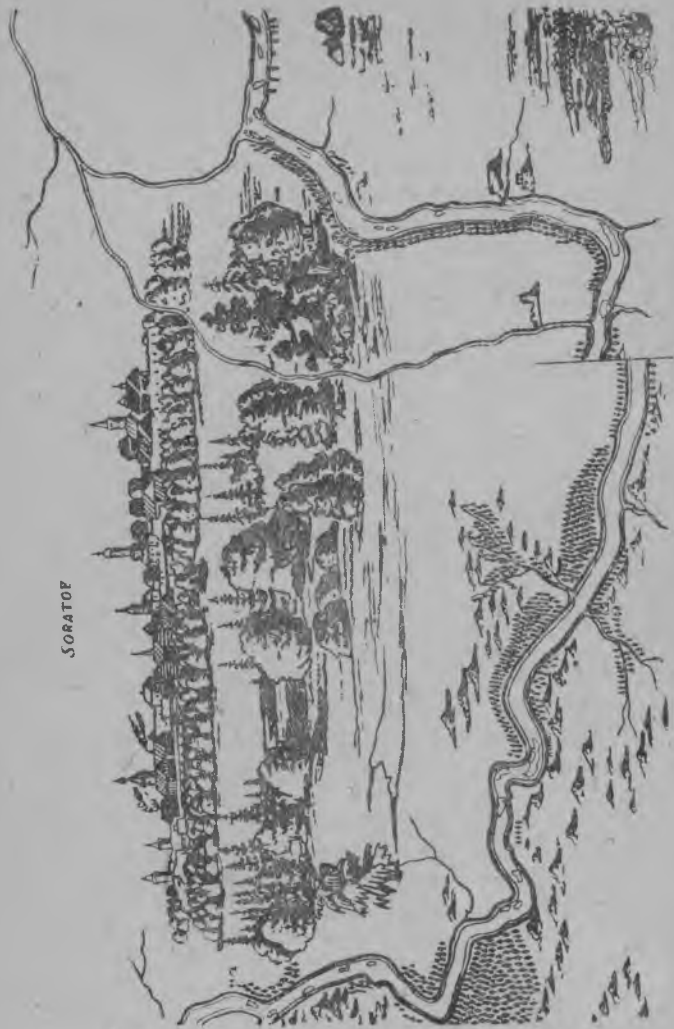
У Машкова на дворе,
В новой бане на полке.
Ее буйная головушка
Испроломанная,
Ее русая коса
Вся растепанная,
Цветно платье
Все изорванное,
Все изорванное,
Все издерганное.

Вот и сам-от победитель,
Под окошечком сидит,
Таки речи говорит:
„Не ко мне ли гости едут,
Не меня ли хотят брать?“
Как по первой по пороше
Трои саночки катят,
И звенят, и гремят,
Лишь копыточки стучат.
„Приворачивай, ребята,
К Акулину двору“.
Акулинушка бежит,
На ней платице шумит.
„Акулинушка, постой,
Красавица, подожди;
Отворяй-ка ворота,
Отпускай-ка молодца!“
Уж как взяли молодца,
Подхватили удалца,
Посадили в крепку горенку —
В каменный острог.

44

Уж ты, степь, моя степь,
Степь моя Саратов,
Далеко ты, моя степь, протянулася

С О Р А Т О В

Саратов. С карты „Волга“ Адама Олеария. 1651 г.

Протянулись, моя степь, до Камышина,
Из Камышина вплоть до Саратова.
Ничего та во степе не уродилась.
Как по етой по степе никто не прохаживал,
Ни ясен та сокол на ней не пролетывал.
Пролежала здесь дороженька.
Никто по ней не прохаживал,
Никто следу не прокладывал.
Как и шли — та прошли
Большие обозушки,
Как и первой та обоз идет
С обрядой солдатской,
Второй обоз идет с белой рыбицей,
А третьей обоз идет с золотой казной.
Заболел-та, занемог в обози извощик,
Извощик размолоденькой.
Заболела у нево буйная головушка,
Защемило у нево ретиво сердечушко.
— Уж вы, братцы мои, вы, мои товарищи,
Ни покиньте вы меня при бедности
При большой гибели.
Вы кладите-ко меня во повозочку,
Скороните-ка меня между трех дорог:
Между Питерской, Московской,
Питербурской столбовой.
Вы засыпьте меня с гор толстым песком,
Отведите коней моему батюшке.

45

По Волге вода разливается,
По лугам трава растилается,
Зять у ворот увивается,
Просит свое сужено,
Он просит свое ряжено.
Подайте мое сужено,
Подайте мое ряжено.

Вынесли ему золоты ключи;
Это не мое, не суженое,
Это не мое не ряженое.

.
Вывели ему коня в узде,
В золотом седле;
Это не мое, не суженое,
Это не мое, не ряженое.

.
Вывели ему невесту под фатой.
Это мое сужено,
Это мое ряжено.

46

Перепелка пташечка
Примахала крылышки,
Плавальные перышки:
Молодец казанец,
Душа астраханец,
Полюбил девку,
Полюбил красну;
Полюбивши он девицу,
За себя не взял,
За себя не взял,
Насмехаться стал:
„Ты не шей, красна девица,
Шитых, браных пологов;
Уж мне ли молодцу
Не сыпать в пологу,
Не целовывать девицу
В сахарные уста;
Не трепать молодцу
По девичьему тельцу.
Мне трепать молодцу
Веслом по воде,

Целовать, миловать,
Матку-Волгу реку".
Уж тут красна девица
Призадумалася;
Призадумавшись, девица
Слово молвила,
Слово молвила,
Речь говорила:
„Уж есть у меня
Да два братца родных,
Я велю тебя поймать,
Велю тебя потерять.
Я из мяса твоего
Пирогов напеку,
А из сала твоего
Я и свеч налью,
Из буйной головы
Чашу выделаю,
Из ясных очей,
Да две чарочки,
Из костей же твоих
Я кровать смощу.
Созову ли я гостей,
Красных девиц вседушей,
Загадаю им загадку,
Не хитру, не мудру,
Не хитру не мудру,
Не отгадливу:
„Уж что таково?
Я на милом сажу,
И я милым подношу,
Милым подчиваю,
Ах, мил передо мною
Свечкою горит?“
Тут одна краса девица
Призадумалася,

Призадумавшись, девица
Слово молвила,
Слово молвила,
Речь говорила:
„Уж я тебе, братец,
Говаривала:
Не ходил бы ты, братец,
Поздно вечером один;
Не любил бы ты, братец,
Красной девицы души“.

47

По улице мостовой,
По широкой столбовой
Шла девица за водой,
За холодной ключевой.
За ней парень молодой,
Кричит: „Девица, постой.
Красавица, погоди.
Пойдем вместе за водой,
За холодной ключевой“.
„Ах, ты, парень, паренек,
Твой глупенький разумок,
Не кричи во весь народ,
Мой батюшка у ворот,
Зовет меня в огород
Чесноку-луку полоть.
Маку сеяного,
Луку зеленого.
И я в праву руку луку,
Во левую чесноку,
Сама по цветики пойду,
По лазоревые“.
Я по цветикам ходила,
По лазоревым гуляла,

По лазоревым гуляла,
Цвета алого искала.
Не нашла цвета такого
Против моего милого.
Уж как мой милый хорош,
Чернобров, душа, пригож.
Мне подарочек принес,
Подарочек дорогой—
С руки перстень золотой.
Мне и не дорог твой подарок,
Дорога твоя любовь.
Не хочу перстня я носить,
Стану так дружка любить...
Ты куда ж, моя надежда,
Снаряжаешься?
Собирался мой милой,
Собирался дорогой
Он на Волгу на реку,
На крутенький бережок,
На желтенький на песок.
Уж я по воду пойду,
На крутой берег взойду,
Туда-сюда погляжу.
Волга-матушка быстра
Скоро судно пронесла,
Мого милового дружка
Во зеленые лужка.
Суденышко за лесок,
А я, млада, в голосок.

Волга матушка родима течет.
Друга милого, касатика несет;
Вниз красивая расшивушка плывет,
Дорогой товар нарядная несет.

Подбодрился мой хороший, дорогой,
Словно гоголь над кормой,
Кудри шелковы по плечикам бегут,
Ясны оченьки расшиву стерегут.
Друга милого путина далека...
Разделила нас широкая река.
Только струйка малая ко бережку бежит,
Как слеза моя, колышится, дрожит...
Растворю тесовые ворота я на двор,
Выйду рано я на утренней заре,
В синю далюшку туманну погляжу,
Друга милого хоть сердцем провожу.

49

Ах, ты, Волга, ты, Волга,
Волга-матушка река,
Зачем рано становилася,
Тонким льдом покрывалася,
Белым снегом усыпалася?
Ой, ты, матушка родима,
На что малого родила?
Меня девушки не любят,
Сердечушком не желают.
Истоптал я сапоги,
За девицей ходючи:
Изодрал зелен кафтан,
По заборам лазючи;
Пухову шляпу сгноил,
Под капелью стоючи;
Два ножичка изломал,
Окна отворяючи.
А тебя, моя сударушка,
Я и в очи не видал.
Чернобровая моя,
Черноглазая моя,

Иссушила, сокрушила
Добра молодца меня,
Ппустила ты печаль
По ясным моим очам,
Ппустила сухоту
По всему животу.

50

Ах ты, Волга, ты, Волга,
Волга матушка река!
К чему рано становилася,
Тонким льдом покрывалася,
Белым снегом усыпалася?
Со восточной со стороны
Буен ветер повеваает,
Волгу матушку ломает:
Меня горе разывает —
Мой стружочек разбивает...
Я пойду, млада, в торжок,
Я куплю себе стружок,
Я найму себе гребцов,
Удалых молодцов.
Догоняет красна девка
Удалого молодца:
„Ты постой, постой, надежа,
Постой, миленький дружок!
Ты возьми меня с собой.
Назови меня сестрой!“

51

Загулял я, молодец,
По низовой стороне,
Что по Волге по реке,

Стосковалось молодцу,
Сам не знаю отчего.
Уж как знать то мне по ней,
По сударушке своей.
С тоски выйду молодец,
На крут красен бережок.
Погляжу я, молодец,
Вдоль по Волге по реке,
Во низову сторону,
Что во той ли стороне
Моя сударушка живет,
Она грамоток не пишет,
Челобитья мне не шлет.
Во низовой стороне
Там не видно никого,
Там не видно никого,
Только выплыли стружки,
Забелелись паруски.
От сударушки ли тут
Мне известие пришло;
Да и пишет мне она
Небылые словеса:
Будто я ли, молодец,
Непорядочно живу,
Непорядочно живу —
Во пиры часто хожу,
Во пиры часто хожу,
Красных девушек люблю.

Загулял я, молодец,
Вниз по Волге по реке,
По нагорной стороне,
В Астрахани городе.

Стосковалось молодцу,
Сам не знаю, отчего;
Знать что, знать что мне по ней,
По сударушке своей.
И мне некого послать,
Чтоб сударушку позвать.
Коли старого пошлю, —
Стар не дойдет до нее;
И мне молодого послать, —
Не умеет, как позвать:
Ежель ровного пошлю, —
Засидится у нее.
Знать что, знать что соколу
Лететь будет самому.
Погляжу я, молодец,
Вдоль по Волге по реке,
По нагорной стороне.
Выплывали тут стружки,
Забелелись паруски.
Там сидят одни гребцы,
Все удалы молодцы,
Астраханские купцы.
Уж не грянут, не гребут,
Они песенки поют,
Что во той ли стороне
Красна девица душа,
Уродилась хороша.
Как от той ли сударушки
Нет вести никакой;
Только пишет мне она
Небылые словеса:
Будто я-то, молодец,
Непорядочно живу,
Во царев кабак хожу,
Зеленое вино пью,
Красных девушек люблю.

Вот тебе, Волга реченька,
 Ни долга гулять:
 Сы вясны, сы вясны
 Да да осини.
 Придуть на тебе
 Лютыи марозы,
 Лютыи марозы,
 Все крищенския.
 Разлучать тебе, Волга-река,
 С крутыми берегами,
 С крутыми берегами,
 С желтыми пясками.
 Вот тебе, Машинька,
 Ни долга сидеть:
 Сы утра, сы утра,
 Да да вечера.
 Нонче к тебе, нонче к тебе
 Придуть люты свахи,
 Разлучать тебе, Машинька,
 С атцом—матирью,
 С родным племинем.
 С милыми подружками.

Ой, ты, Волга, Волга матка,
 Волга матушка река.
 Эхе да, эhti мне.
 Очень рано становилась,
 Тонким ледом укрывалась.
 Эхе да, эhti мне.
 Тонким ледом укрывалась,
 Белым снегом усыпалась.
 Эхе да, эhti мне.

Со восточной сторонки
Буен ветер поведает.
Эхе да, эhti мне.

Буен ветер поведает,
Волгу матушку ломает.
Эхе да, эhti мне.

Волгу матушку ломает,
Мой стружочек разбивает.
Эхе да, эhti мне.

Мой стружочек разбивает,
Меня горе разнимает.
Эхе да, эhti мне.

Меня горе разнимает
Сердечный друг спокидает.
Эхе да, эhti мне.

Сердечный друг спокидает,
В иной город отъезжает.
Эхе да, эhti мне.

55

Ой вы, грязи мои, грязи черные, разосенные,
Ой вы, осенние грязи, самая последние!
Ой вы, горы мои, горы крутые, высокие!
Ничего-то вы, горы, не породили;
Нет ни травоньки в горах, ни муравоньки,
Ни муравоньки, ни алых цветочков лазоревых;
Только видна из-под гор степь Саратовска...
Под горами бежит быстра речушка,
По прозваньицу Волга-матушка.
Широко-то Волга разливалась,
В круты бережки не вбиралася,
Затопила-то Волга берега высокие;
Оставался один част ракитов куст.
На кусту-то сидит млад сизой орел,
Во когтях-то держит черна ворона;

Он бьет-то не бьет, все выпрашивает:
„Уж где ты, ворон, был, где выгуливал?
Уж что, ворон, видал, что выглядывал?“ —
— „Я гулял-то, гулял по диким степям:
На одной-то степи на Царицынской,
На другой-то степи на Камышинской,
А на третьей степи на Саратовской;
Я видал-то, видал диво дивное,
Диво дивное — тело белое,
Тело белое молодецкое;
Не убито лежит, не зарезано, —
Вострым копыцом все исколото...
Никто-то к телу не подступится,
Не подступится, не подшатнется...
Прилетали к телу три ластушки:
Перва ластушка — родной батюшка,
Друга ластушка — родная матушка,
Третья ластушка — молода жена.
Как отец плачет, — что река льется,
Как мать-то плачет, — что волна бьется,
Молода жена плачет, — что роса падет,
Что роса падет, роса утренняя;
Красно солнышко взошло, — роса высохла,
Молода жена забывать стала,
Забывать стала, за гульбой пошла“.

Отпущало, отпущало сердце матушкино,
Отпущало, отпущало чаду милую свою,
Чаду милую свою на чужую сторону.
Как большая сестра коня с стойла свела,
А середняя сестра коня оседывала,
А меньшая сестра коня брату подала;
А жена-то горюша у воротичках стоит,

У воротичках стоит, сама плачет, говорит:
„Уж ты, миленький, милой, ты когда
будешь домой?“

— „Я тогда буду домой, когда вырастет трава,
Когда вырастет трава выше царского двора,
Узобьет, узобьет большой камушек со дна“.

— „Да неправду, мой миленький, со мною
говоришь!“

— Да не вырастет трава выше царского двора,
Не взобьет Волга-речка бела камушка со дна!“

57

По ельничку, по березничку
Что шумит-гремит Волга матушка;
Что журит—бранит меня батюшка,
Что журит-бранит меня матушка:
— „Ты иди, иди во монашество...“

58

Ах ты, Волга, Волга матушка!
Широка, Волга, разливалась,
По лугам, лугам зеленым,
По цветочкам по лазоревым,
Что по травушке, муравушке!
Что под яблонью под кудрявою,
Что под грушею под зеленою
Молодец девку журил-бранил,
Журил-бранил, все добру учил:
„Ах ты, девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж,
Ты спроси, девка, отца-матери,
Отца-матери, роду племени,
Наколи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданого!“

Разс..... сын недоросток!
Не тебе мной поношаться;
Поношаться мной иному,
Тому-то, что у девушек любила,
Золотым кольцом подарила,
Как далеко я его проводила...
Вот за то-то меня матушка бранила...

61

Уж как видно это, видно,
Да кто кого любит:
Во беседушку приходит,
Против друга и садится,
На дубовой на скамейке,
На кленовой на дощечке,
Тяжелехонько вздыхает,
Сердцем радости желает,
Про кручинушку не скажет.
И я с горя, со кручины,
Со великие печали,
Я пойду гулять на Волгу,
Что на пристань корабельну.
Посмотрю, млада-младенька,
Вниз по матушке по Волге,
Не плывет ли легкий кораблик,
На котором моя радость
Купцом проживает.
По кораблю гуляет,
В звонку скрипочку играет,
Товарищев забавляет:
„Вы не плачьте, ребята,
Не тужите, молодые!
Не одним вам больно, тошно,
А мне, молодцу, тошнее
По душе красной девице,
По названной мне сестрице!

Ты, душа красна девица,
Ты, названная сестрица,
Либо выйди, либо выглянь,
Или открой, душа, окошко,
Хоть окошечка немножко".
Со восточной со сторонки
Подымались буйны ветры,
Буйны ветры с вихорями;
Прибивало нов кораблик
Ко калинову мосточку,
Ко ракитову кусточку.
Выходила красна девка
С кубцом по водицу,
С окованным со ведерком;
Размахнула, почерпнула,
Черны кудри зачерпнула,
Развернула, посмотрела,
По приметам узнавала:
„Ой, я с этими кудрями
На одном пиру бывала,
Вино, мед, пиво пивала,
Сладким медом заедала,
Слаще меду тут видала,
И к сердечку прижимала!“.

62

Как во городе во Саратове,
У купчика у богатого
Много пива, много дива,
Много девок, много баб,
Много холостых ребят,
Много старых стариков,
Пожилых мужиков.
Кого я люблю, того и возьму,
Кого я не люблю, того не возьму.

Во городе во Саратове,
 У купчика у богатого
 Много пива, много дива,
 Много девок, много баб,
 Много холостых робят,
 Много старых стариков,
 Пожилых мужиков.
 У купчика у богатого
 Ведут козу рогатую.
 Козулька скачет,
 Мазулька пляшет.
 Вибирай себе, козулька,
 Кто ти взлюбится,
 Приголубится.

Уж мы сядемте-ка, посидимте-ка,
 Уж мы скажемте-ка песню новую,
 Песню новую, да горемышную,
 При тае ли скажем да Волгу матушку (2)
 Широко ли Волжинька да разливается,
 Да в крутые бережочки ни убирается,
 Заняла Волжинька все горы, доли,
 Да Волжинька все горы, да доли,
 Да луга зелены,
 Оставался один да чист ракитов куст.
 На кусту-то кусточке только свито гнездышко,
 Савитое гнездо да соловьиное,
 Соловьиное да сака-саклиное
 Солове-ят сидит да самат посвистывает,
 А выговорушки-выго-выговаривает,
 Выговорушки выговаривает.

Не тошно ли тебе, Волга-мать,
Волга-матушка,
Не тошно ли тебе, да Волга-матушка,
Со тонким это ледочком расставаться,
Со тонким это ледочком осенним,
Со осенним да со последним.
Как отец от мать всее ночь-ат не спят,
Всеe ночь они не спят, да со отцом сидят
За столом они сидят, да думу думают (2)
„А нам которого сынка во солдаты отдать,
А нам отдать да сынка да боле-болезного,
У большого-то сынка жена умна.
Нам отдать али не отдать сына сере-середнего,
У середнего сынка детей много,
А по се-посередним та у нас дом от стоит.
Нам отдать аль не отдать сына мало-малого
Да не жонатого“.
А как и мал-малый сын да порасплакался:
„Аль я вам, батюшка да матушка,
Да не такой же сын“.

65

На той стороне Волги кукуют кукушки,
На той стороне Волги поют соловьи.
Кукушки кукуют, велят пахать,
Соловьи поют, велят сеять.
По берегу Волги ходит славный юноша,
Ружье его у него на плече,
Пистолет его у него в руке.
Юноша ходит, стреляет уток?
На встречу ему вышел старый старик, дедушка:
— Люди теперь, сын мой, и пашут и сеют,
— А ты, сын мой, отчего не пашешь и не сеешь,
— А ты, сын мой, отчего бьешь уток? —
— У меня нет лошади на запряжку в соху,

— Нет на запряжку в борону. —
— В соху запряги своего кормильца батюшку,
— А в борону свою кормилицу мать.
— Четыре раза ударь своего кормильца батюшку,
— Три раза ударь свою кормилицу мать. —
По дороге проходит хорошенькая Катюша,
Маленькая Катюша, кумачевая руценька,
— А и бог тебе в помощь, парень. —
— А и спасибо, хорошенькая Катюша. —
— Пашешь на отце, не родится хлеб,
— Боронуешь на матери, бог не даст. —
Зазрела его совесть перед хорошенькой Катей,
Отпряг он кормильца отца,
Отпряг он кормилицу мать.

66

Вдова баба солдатка,
У вдовы три сына.
Старшего сына она не любит,
Старшего сына она терпеть не может.
Головку его она вымыла,
И вычесала, и охорошила,
За конец руки его схватила,
На бережок Волги привела его,
На бережок Волги привела его,
В пустое судно бросила его,
В пустое судно бросила его,
Вдоль по Волге пустила его.
— Прощай, прощай, мой ребеночек,
— Прощай, ты мой кормилец. —

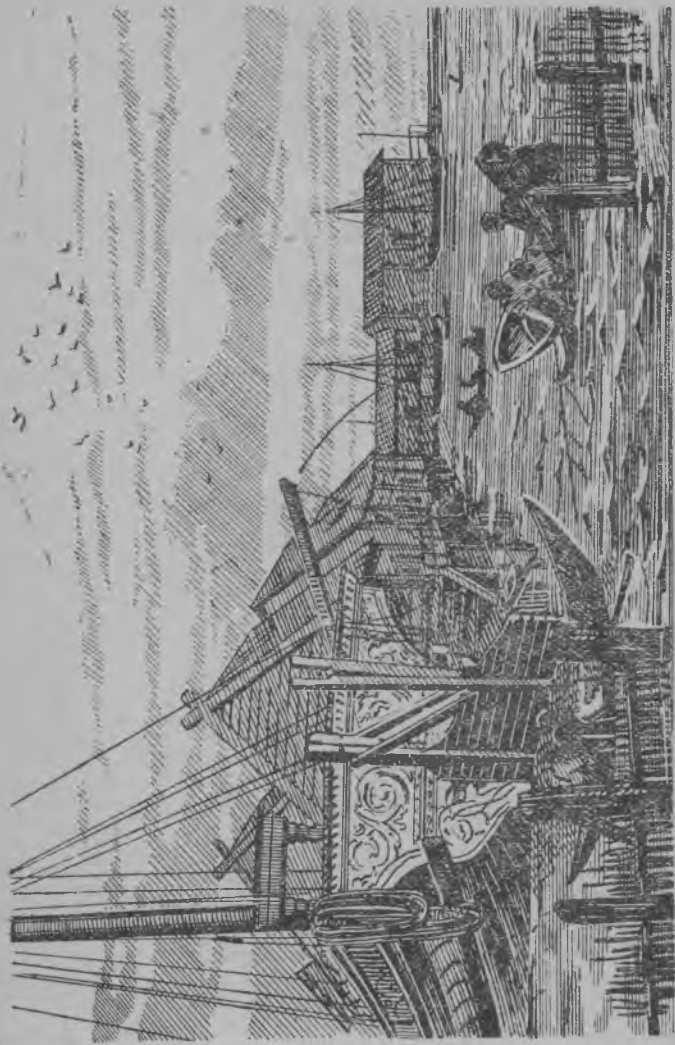
67

Их три сестры,
Четвертый был их маленький братец,
Маленький братец, их братец.

На попечении мачехи остался брат их,
На попечении мачехи очутился брат их,
Мачеха побьет его, выгонит из дому,
Отец побьет его, выгонит со двора.
Где он ходит брат их, плачет,
Где он ходит брат их, печалуется.
Его увидела младшая из старших сестер,
Его увидела младшая из старших сестер.
— Я уйду, сестрица, я уйду, матушка,
— По Волге-Волге, сестрица, ходить,
— Волжской травы, сестрица, кушать,
— Волжской воды, сестрица, пить. —
— Когда, братец мой, мы тебя дождемся,
— Когда мы выпросим тебя у бога? —
— Когда три года, сестрица, исполнятся,
— По прошествии трех годочков. —
Три годочка его исполнились.
Ждут братца сестрички, не идет;
Задумали старшие сестры искать брата,
Задумали старшие сестры разыскать брата.
Старшая сестра сделалась вороном,
Вторая ясным соколиком,
Третья сестрица божьей ласточкой.
Черный ворон (пошел) по темному лесу;
Ясный сокол пошел по небу,
По небу, по за облаками,
Божья ласточка по водотекам,
По водотекам, по крутым берегам.
Божья ласточка нашла его,
Божья ласточка разыскала его.
Собачья смерть — его смерть,
Склон оврага его могила.
Все они собрались вокруг брата,
Черный ворон у его ног,
Ясный соколик спустился у его головы,
Божья ласточка на его грудь.

Хороша, хороша Киприанова жена, невестка моя,
 Еще лучше Киприанова жена, невестка моя.
 Пироги печет как саратовские калачи,
 Кашу варит, без ветра веет.
 Квас водит, семилетние тараканы.
 Который пьет, тот падает под гору,
 Не пьющий спешит в теплую банечку.

Как во городе было Казани,
 Протекала тут Волга река,
 По той-то, по Волге реке,
 Проплывала осетр рыба,
 Что осетр рыба свежая.
 Ой вы, ребята молодые!
 Вы берите широки невода,
 Вы ловите осетр рыбу светлую.
 Как бы эту осетр рыбу
 По добру привелось изловить
 Хозяину на столы дубовые,
 Да на скатерти браные,
 Да на блюда на серебряные.
 Как во городе было Казани,
 Протекала тут Волга река,
 По той-то, по Волге реке
 Плывут добры молодцы
 На волжаных лодейках.
 Как перед ними во дали,
 Что вдали, в чистом поле,
 Разыгрались черные соболи.
 Ой вы, ребята молодые!
 Вы берите широки путы,
 Вы ловите черные соболи.
 Как бы эти черные соболи
 По добру привелось изловить
 Хозяюшки на шубу, да на белы плечи.

Рыбная ватага на Волге. С рисунка Ф. Васильева.

70. НА ВОЛГЕ

Меж крутых берегов
Волга речка течет,
А на ней, по волнам,
Легка лодка плывет.

В ней сидел молодец,
Шапка с кистью на нем,
Он с веревкой в руках,
Волны резал веслом.

Он ко бережку плыл,
Лодку вмиг привязал,
Сам на берег взошел,
Соловьем просвистал.

Как на бережке том
Красный терем стоял,
Там красотка жила:
Он ее вызывал.

Муж красавицы был
Воевода лихой,
Да понравился ей
Молодец удалой.

Одинокой она
Растворила окно,
Приняла молодца
По веревке умно.

Погостил молодец;
Утром ранней зарей
Отправлялся домой
Он с красоткой своей.

Долго, долго искал
Воевода жену.

Отыскал он ее
У злодея в плену.

Долго бились они
На крутом берегу,
Не хотел уступить
Воевода врагу.

И последний удар
Их судьбу порешил,
И конец их вражде
Навсегда положил.

Волга в волны свои
Молодца приняла:
По реке по волнам
Шапка с кистью плавала.

71. АХ ТЫ ВОЛГА ЛИ, ВОЛГА МАТУШКА

Ах ты Волга ли, Волга матушка,
Широко ты Волга разливаешься,
Что по травушкам, по муравушкам,
По сыпучим пескам да по камушкам;
По лугам, лугам по зеленым,
По цветам, цветам по лазоревым...
На твоих вокруг на крутых берегах
Много бродит людей во твоих лесах.
Во привольи им там спокойно спать,
На просторе полян хорошо отдыхать!
Не под грушею под цветущею,
Не под яблонью под кудрявою,
Что под дубом ли, под развесистым,
Под тем деревом под расцветистым,
На коврах цветных, понахмурившись,
Отдыхал-лежал добрый молодец:
На нем шубушка соболиная,

А за поясом востр наточен нож!

По челу его богатырскому
Ходят тучею думы-думушки...

Перед ним стоят, подбоченившись,
Три помощничка разудалые,

Не шумит, не гремит сыр могучий бор,
Стенька Разин в набег снаряжается,

А дружина его молодецкая
Выдать удаль свою наывается.

**ПОСЛОВИЦЫ
И
ПОГОВОРКИ**

1

Волга-матушка — глубокая, раздольная, разгульная.
Днепр быстрый, широкий. Дон Иванович тихий, золотой.
Дунай Иванович Прут, Днестр, Неман — порубежные.
Урал — золотое дно, серебряная покрывка.

2

Волга — плыть долго, а Дунай — широко. Видно Дунай
с Волгой не сольются.

3

Волга ину пору мать, а ину — мачеха.

4

Волга всем рекам мать. Волга-матушка широка и долга.

5

Коли нечем платить долгу, так ехать (идти) на Волгу
(либо в бурлаки, либо на разбой).

6

Толокном Волгу замесили (или: перепрудили, говорится
также о вологожанах и др.).

7

Толокном Волгу не замесишь.

8

Что не в Волгу, то все за Волгу (т. е. ни во что. См. Влад. губ. Ведомости 1846, № 47).

9

Хлебай уху, а рыба вверху (по низовью Волги красная рыба купалась вся и шла вверх, в столицы; народ же ел одну разварную уху из черной рыбы).

10

На словах—Волгу переплывает; а на деле—ни через лужу.

11

Не Стенька: на ковре по Волге не поплывешь.

12

Видно уж Дунай с Волгой не сойдутся.

13

Зубчане — таракана на канате на Волгу поить водили.

14

Кама усучивает по сту, да по девяносту; Волга закоклячивает, да облобачивает (бурлацк.).

15

Божья коровка, полетай на Волгу: там тепленько, здесь холодненько (совет кому удалиться). Поезжай на теплые воды.

16

Бежит свинья из Саратова, вся исцарапана (Терка). (Загадка).

17

Запонка ныряет. Волга мерзнет. (Тканье). (Загадка).

18

Новгород Нижний сосед Москве ближний.

19

Знают и в Казани, что люди сказали.

20

Казань прогребли—и орду прошли.

21

Ехал в Казань, а заехал в Рязань.

22

Надсадно бурлаку, надсадно и лямке.

23

Хлеб да вода—бурлацкая еда.

24

Вниз вода несет, вверх кабала везет (бурлаков).

25

Виден (Симбирск), да семь ден идем.

26

Ярославль городок—Москвы уголок (это говорится о многих др. городах).

27

Ярославцы лукавцы.

28

Ярославцы: красавцы, белотельцы, песенники, запевалы, чистоплюи. Пуд мыла извели, а родимого пятнышка

у сестры не смыли. Конфетчики, кукушкины детки (му-
жики мало дома живут). Спаса на воротах продали.

29

Галичане в кучу, Костромичи в кучу, Ярославцы прочь.

30

Славна (богата, довольна) Астрахань осетрами, Сибирь
соболями.

31

Астрахань арбузами, а мы голопузами (славны).

32

Астрахань далече, а Сибирь и дале того.

33

В Астрахани—и коровы рыбу едят (соленую).

34

Астраханцы кобылятину вместо белорыбицы в Новго-
род сдали.

35

Откуда ты, Иван? С воли, родимый (дразнят астрахан-
ские старожилы бродяг).

36

Саратовские мещане собор свой с молотка продали.

37

Чехонь (рыба) через собор перепрыгнула (в Саратове).

38

Мудрые немцы—камышинцы.

39

Хвалынцы—головорезы. Сызранцы—ухорезы.

40

Пиши долг на двери, а получишь в Твери.

41

Суздальцы сальники, Владимирцы стерлядники.

42

Пускай Кострому в Волгу!

43

Ощупал Флор щуку серед Волги на дне.

44

От Астрахани до Казани пообедали, а нам не сказали.

45

Знать ямскую по столбам, а Волгу реку по крутым берегам.

46

Гулял млад вниз по Волге, да набрел смерть близ не вдалече.

47

Просит осетр дождя в Волге лежа (иносказательно применяется к тем, кто ничем не доволен).

48

Платил долги, а не миновал Волги.

49

На Волге вино—по три деньги ведро: хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся (поговорка бурлаков).

ПРИМЕЧАНИЯ

Указатель источников

1. Сказки и предания

1. Записано в Тверской губ. Напечатано в книге „Русские народные сказки“ А. Н. Афанасьева. Т. I. (№ 51). Под ред. А. Э. Грουνинского изд. 4-е. М. 1912 г. и „Народные русские сказки“ А. Н. Афанасьева. Т. I (№ 94). Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева и Ю. М. Соколова. Изд. „Академия“. 1936 г. В примечании Афанасьев указывает („поэтические воззрения II, стр. 226) аналогичные предания о Днепре и Десне, о Днепре и Суже, о Днепре и Волге и Северной Двине.

2. Напечатано в книге „Быт русского народа“ ч. V, соч. А. Тереженко. СПб. 1848 г., стр. 43.

3. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губ. Собраны в 1861—1888 гг. А. Н. Минхом. „Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии“, т. XIX, вып. 2-й, СПб, 1890 г., стр. 40.

Предание о Ураковом Бугре было напечатано в „Саратовских Губернских Ведомостях“ в 1859 году. Олеарий, плывший по Волге в 1636 году, иначе рассказывает эту легенду: он говорит, что против устья реки Еруслана, на правом берегу Волги, в 150-ти верстах от Саратова, подымается гора, Ураков Караул, названная по тому, что татарский князь Урак сражался здесь с казаками, был убит и тут же схоронен.

4—5. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. под редакцией В. П. Семенова. СПб 1901 год, том VI, среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. 4—стр. 32; 5—стр. 469.

6. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Составил А. Н. Минх, т. I, вып. 4. Аткарск. 1902 г., стр. 1094. Здесь приводятся и другие варианты к этой легенде.

7. Даль В. И. Сочинение—повести и рассказы, т. 7-й. СПб.—М. 1883 г. Отрывок из сказки 13-й—Богатырская сказка. „О кладе“.

8. Костомаров „Бунт Стеньки Разина“. М. 1863 г., стр. 377—379. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Вступительная статья ред. и примечания А. Н. Лозановой. Академия, 1935 г., стр. 379.

9. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Составила А. Н. Лозанова. Академия, 1935 г., стр. 196. Дано А. Николаевым со слов старой пирожницы из Саратова Вахромеевой. Напечатано в „Саратовских губернских ведомостях“, в 1860 г. № 25.

10. Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии, вып. 31. Саратов, 1914 г., стр. 70. Записано Б. В. Зайковским со слов Климова.

11—12. Пинегин. М. Казань в ее прошлом и настоящем, 1890 г., стр. 15 и 20. Сказание о начале Казани, записано известным путешественником по Волге Георгием в его „Заметках путешественника по русскому государству в 1773—1774 гг.“

13. Мордовский этнографический сборник. Составлен А. Н. Шахматовым. СПб. 1910 г., стр. 46.

14. Записано в июле 1920 г. в Черемшане от тов. Потапова (Из архива Саратовского обл. музея).

II. Былины

1. Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей Российской словесности. М. 1863 г. Вып. 5. Песни былевые. I—Новгородские. стр. 47.

2—5. Напечатано в книге „Песни“, собранные П. Н. Рыбниковым в 1910 г., том 2-й.

III. Исторические песни

1. Песни, собранные Киреевским П. В. вып. 7-й, стр. 161. Миллер, В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук, т. ХСШ, 1915 год.

2—6. Эта огромная песня (2) „писана со слов казаков Багаевской станицы Федота Филиппова Цыганкова и Алексея Савельева Фарапонова“, надпись сделана на очень старинной рукописи, доставленной собирателю Леоновым. Была напечатана А. П. Пивоваровым в „Донских казачьих песнях“, 1885, стр. 13—18.; 2—стр. 477; 3—481; 4—488; 5—496; 6—736.

7—8. Песни, собранные Киреевским П. В., вып. 7-й и „Старший песенник Трутовского“, ч. 3-я. Об убийстве Прозоровского 7—стр. 148; 8—144.

9. Напечатано в „Чтениях О. И. и Д. Росс.“ 1887, кн. 3-я, стр. 64. Записано И. П. Корниловым в Сибири, на ильинском винокуренном заводе, на р. Лене.

10. Штейн, П. В. Русские народные песни. М. 1877 г., стр. 63. Записано И. П. Корнеевым, в Сибири.

11. Штейн, П. В. Русские народные песни, М. 1877 г. Записано В. А. Мясоедовой в Сердобском уезде, Саратовской губернии.

12. Напечатано П. В. Штейном в „Чтениях Об-ва Истории и Древностей Российских 1877 г., кн. 3, стр. 61—62.

13. Миллер, В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. 1915, стр. 775.

14. Записано в Пермской губ. Напечатано П. В. Штейном в „Чтениях в Об-ве Истории и Древностей Российских“ 1877 г., кн. III, стр. 61—62 и в кн. „Миллер“ Историч. Песен, стр. 704.

15—16. Записано А. С. Пушкиным. Запись Пушкина является одной из северных вариаций.

17. Песни, собранные Киреевским, вып. 7-й, стр. 149.

18. Сочинение М. Д. Чулкова. Издание русского языка и словесности Академии наук, т. 1-й, 1911 год, стр. 168.

19. Песни, собранные Киреевским, вып. 7-й, стр. 122.

20. Забавный песенник 1763 года. Печатается по рукописи из библиотеки Шляпкина, на которой имеется надпись: „Сей песенник списан со старинного подлинника называемого „Песни забавные“; писан же оный старинный подлинник в 1763 году, а переписан с оного слово в слово в 1826 г. Великие Луки 1826 года“.

21. Русские народные песни, собр. П. В. Штейном М. 1877 г., стр. 40.

22. Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. Изд. Н. А. Серно-Соловьевича. СПб. 1862 г., стр. 229.

23. Мордовский этнографический сборник. Составлен Н. А. Шахматовым, СПб. 1910 г., стр. 559.

24. Песни и сказания о Разине и Пугачеве, 1935.

25. Напечатано в 9-м выпуске песен П. В. Киреевского, стр. 248, и в „Песнях и сказаниях о Разине и Пугачеве“ Лозановой. Эта песня является поэтическим отображением встречи графа Панина с Пугачевым в Симбирске в 1774 году.

26. Песни и сказания о Разине и Пугачеве под редакцией Лозановой, 1935 г., стр. 187. Записано В. А. Мясоедовой. В Петровском уезде, Саратовской губернии, напечатано „В Русской старине“, 1874 г., книга 12-я., стр. 818. Песня о сынке Стапана Разина осмысливается, как песня о Пугачеве.

IV. Лирические песни

1. Костомаров и Мордовцев. Великорусские народные песни, собранные в Саратов. губ., стр. 38.

Великорусские народные песни, изданные профессором А. И. Соболевским, том VI, СПб, 1900, стр. 306.

- 2—3. Песенник 1780 г., II, стр. 163.
- Песенник 1788 г., II, стр. 188.
- Великорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским, том IV, стр. 308.
4. Спутник по реке Волге и ее притокам Каме и Оке на 1912 г. изд. Феокритова, стр. 69.
5. Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. Записали слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов СПб. 1899, стр. 168.
6. Записано со слов тов. Долотова.
7. Пиксанов Н. Горький и Фольклор Лг. 1935, стр. 21.
8. Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Вып. 35, часть 5. Этнографическая секция. Саратов 1928 г. Родин, Ф. Опыты восстановления бурлацкой песни по нескольким вариантам, стр. 13.
9. Песенник 1780 года, часть III, стр. 148.
10. Терещенко А. Быт русского народа, часть III, 1848 г., стр. 273.
11. Сборник песен собранных О. Х. Агреневоy—Славянской М. 1896, стр. 62.
12. То же, стр. 4. Песня времен Пугачева.
13. Песни, изд. проф. Соболевским, т. VI, стр. 454.
- Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. СПб. 1862, стр. 254.
14. Песни русского народа. Собраны в губ. Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. Записали Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов. СПб. 1899, стр. 108.
15. Известия Академии наук, том I. 1852 г., стр. 9.
- Записано для англичанина Ричарда Джемса в 1619—1620 году, вероятно, в Холмогорах.
16. Штейн. Крепостное право в народных песнях. „Русская старина“, 1886, № 2, стр. 490.
- Записано Н. Ф. Соловьевым от крестьянки Тульской губернии в начале 1860-х гг.
17. Великорусские народные песни, издан. проф. А. И. Соболевским, том VI. СПб. 1900, стр. 24.
18. Саратовский сборник, т. I, 1881 г. (Саратовская губерния, Аткарский уезд).
- Песни, изд. Соболевским, т. VI, стр. 42.
19. Русские народные песни, собранные П. В. Штейном. М. 1870.
20. Великорусские народные песни, изд. проф. А. И. Соболевским, том VI, стр. 377.
21. Соболевский, том VI, стр. 456.
22. Там же (продолжение).
23. Песенник 1780 г., часть IV, стр. 83.; Соболевский, т. VI, стр. 327.
24. Соболевский, т. VI, стр. 186.

25. Костомаров и Мордовцев. Великорусские народные песни, собранные в Саратовской губ., стр. 75, Соболевский, т. VI, стр. 289.
26. Соболевский, т. VI, стр. 7.
27. Костомаров и Мордовцев. Великорусские народные песни, собранные в Саратовской губ., стр. 69; Соболевский т. VI, стр. 343.
28. Журнал „Живая старина“ 1894 г., выпуск II, стр. 288, Рязанская губерния, Данковский уезд.
29. Костомаров и Мордовцев. Саратов. губ., стр. 89. Соболевский, т. VI, стр. 8.
30. Памятная книжка Тверской губернии на 1861 год. № 5.
- 31—32. Колосев М. А. Архивные материалы по народному языку и народной словесности в журнале „Русский филологический вестник“, № 1, 1879. (Симбирская губ., Сызранского уезда, сообщено Орловым), стр. 100, 101.
33. Русские песни. Изборник народной лирики. Составлен М. Н. Картыковым. Предисловие проф. Пиксанова. Издание Вологодского областного отделения госиздательства.
34. Песни, собранные Н. В. Гоголем, изданные Г. П. Георгиевским. СПб. 1908. Калаш В. „Одна из ранних записей былин“, стр. 158.
35. „Этнографическое обозрение“, 1900, № 1, стр. 158.
36. Костомаров и Мордовцев. Саратов. губ., стр. 74; Соболевский, т. VI, стр. 319.
37. Песни, издан. проф. Соболевским, т. VI, стр. 318.
38. Песенник 1780 года, часть 1, стр. 182. Соболевский, т. VI стр. 313.
- 39—41. Соболевский, т. VI, стр. 356, 423, 57.
- (39. Календарь Вятской губ. на 1893 г.)
42. Новый полный всеобщий песенник в 6 частях, СПб. 1820, стр. 95.
43. Русский фольклор „Эпическая поэзия“. Общ. редакция М. Азадовского (Библиотека поэта). Сов. писат. 1935, стр. 345.
44. Песни, изд. Соболевским, т. VII.
45. В. Магнитский. Песни крестьян села Беловолжского, Чебоксарского уезда Казанской губернии. „Учен. записки Казанского Университета“ 1877 № 1, стр. 418.
46. В. Калаш. Одна из ранних записей былин. Журнал „Этнографическое обозрение“, № 1, 1900 г., стр. 158.
- 47—49. Русские песни. Изборник народной лирики. Составлен М. Н. Картыновым.
50. Песенник 1780 г., часть III, стр. 90.
- Песни изданные Соболевским, том IV, стр. 642.
51. Русские песни. Изборник народных песен, составлен М. Н. Картыновым.
52. Песни, изданные Соболевским, том IV, стр. 539.
53. Сборник материалов для описания местности и племен

Кавказа. Изд. Управления Кавказск. учебн. округа, вып. 29, 1901 г.
Караулов М. Песни, поющиеся в станице Голыгаевской, Моздокского
отдела.

54. Рукопись. Забавный песенник, 1763 г., стр., 30.

55—56. Песни, изданные Соболевским, том. I, стр. 451, 336. Косто-
маров и Мордовцев, стр. 78.

57. Песни, изданные Соболевским, том II стр. 84.

58. Песенник 1780 г., часть I, стр. 182; Соболевский, т. II, стр. 149.

59. Песенник 1780 г., часть II, стр. 184; Соболевский, т. II стр. 215.

60. Песни, изданные Соболевским, том II, стр. 233.

61. Песенник 1780 г., часть IV, стр. 100.

Песни издан. Соболевским, том IV, стр. 182.

62. Сказки и песни Белозерского края. Записали Борис и Юрий
Соколовы. Изд. отд. Русск. яз. и словесности Академии наук 1915 г.
Песнь хороводная, стр. 409.

63. То же, другой вариант.

64. Записано 2-го июля 1925 года в Вольском уезде, Сарат. губ.
(Архив Сар. обл. музея).

65. Мордовский Этнографический сборник. Составлен Н. А.
Шахматовым. СПб, 1910 г., стр. 444.

66. То же, стр. 527.

67. То же стр. 550.

68. То же, стр. 588.

69. Песни русского народа. СПб 1838 г., часть II, стр. 88.

70. Русская баллада, предисловие, редакция, примечание В. Н.
Чернышева, 1936 г., стр. 493.

71. Сборник песен, собранных О. Х. Агреновой Славянской. М. 1896.

В. Пословицы и поговорки

Пословицы выбраны из книг:

1) Русские народные пословицы и притчи, изд. И. Снегиревым
с предисловием и дополнением. Москва 1848 г.

2) Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок,
речений, присловий, частоговорок, прибауток, загадок, поверий и
проч. Владимира Даля.

3) Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в посло-
вицах, поговорках и приметах, т.3. СПб. 1905 г.

4) Иллюстров И. Сборник российских пословиц и поговорок.
Киев 1904.

5) Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные
Ф. Буславевым М. 1854.

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХ СЛОВ

Беседа—рубка, место под навесом на стругах, лодках.
Буса—большая долбленая лодка с набивными досками по бортам.
Бязинный—из бязи сделанный.
Высылки—военно-карательные правительственные разведки.
Грезетовый—грезет—шерстяная ткань с травчатым узором.
Дуван—возвышенное место. У казаков и волницы: сходка для дележа добычи; доля добычи на дележе.
Есаул—помощник военачальника, атамана.
Зябель—зябь—осенняя пашня под яровые.
Камка—шелковая китайская ткань с разводами
Канаватные—старая узорчатая ткань.
Кармазинный—яркоалый, багряного цвета.
Кедолы—цепи, железные пути.
Кочеты—резные столбики в поперечном бревне на барочной корме куда вставляется весло.
Майдан—место для игры в

кости, орлянку, карты, сборное место.
Музур—матрос на купеческом и промысловом судне.
Мурза—татарский князь.
Острог—тюрьма.
Паленица—богатырка, женщина-богатырь.
Полон—плен.
Печера—пещера
Притки—болезнь, несчастный случай.
Потопчина—толстая доска, мостик.
Притинные—укромные, крутые.
Расшива—большое парусное судно.
Струги—лодки с острыми концами.
Сукрой—круглый ломоть хлеба во всю ковригу.
Тавлея—шашница, игра в шашки, кости.
Тизики или тизы—одно из татарских племен.
Фуза-Фузея—военное ружье.
Хрущатая—твердая, хрустящая.
Червленый—багряный и багровый.
Щепетно (щепетко, щебетко)—щеголевато, нарядно.
Шефорочек—шарф.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Из передовой „Правды“	4

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ

1. Вазуза и Волга	9
2. Превращение Днепра, Волги и Двины (Западной)	9
3. Об Ураковом бугре	12
4. О Цареве кургане	12
5. О Кудеяре	14
6. О происхождении названия речки „Царица“	14
7. О кладе	15
8. Сказание о Разине	17
9. О Пугачеве	20
10. Волшебница Аринка	21
11. О постройке города Казани	23
12. О постройке города Казани (2-й вариант)	26
13. О земле Эрзяков	27
14. Катюшина гора	28

БЫЛИНЫ

1. Садко	31
4. Соловей Будимирович	32
3. Соловей Будимирович	33

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1. Взятие Астрахани	39
2. Ермак	41
3. Ермак	45
4. Что пониже было города Саратова (о Ермаке)	48

5. На усть было матушки Волги реки	48
6. Атаманушка сам по округу похаживат	53
7. Что да на матушке на Волге не черным да зачернелось . .	55
8. Сборы Разина в Астрахань	56
9. Горы, горм, горы крутые	56
10. Про сынка Стеньки Разина	58
11. Сын Степана Разина	60
12. Сын Степана Разина	62
13. Ходит молодец по Астрахани	63
14. Про Стеньку Разина	64
15. О Стеньке Разине	66
16. Ходил Стенька Разин	66
17. Степан Разин	67
18. Что пониже было города Саратова (о Меньшикове)	70
19. Вниз-то было по матушке Камышенке реке	70
20. Что пониже было города Саратова (о князе Репнине) . . .	71
21. Казань-город	72
22. На море стояли разбойнички семь годов	73
23. На стороне Саратова что за огонь горит	74
24. Из-за леса, леса темного	74
25. Судил тут граф Панин вора Пугачева	76
26. Как во славном городе Астрахани	76

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1. Сиротка, ты, сироточка, сиротинушка горькая	81
2—3. Еще что же вы, братцы, призадумались	82
4. Как за барами было житье привольное	82
5. Сенокосная	83
6. Волга, моя матушка	85
7. Ой-еей, ой сей	86
8. Песнь бурлаков	86
9. Как пошли наши бурлаки	95
10. Перед нашими вороты	95
11. Ай, дубинушка, охни	97
12. На калине соловей	99
13. Я с хозяином расчелся	99

14. Ой о то-то, то-то, ой о то-то, ой о то-то	100
15. Бережочек зыблется	101
16. Калинушку с малинушкой водой залило	102
17. Уж ты, воля, наша воля	103
18. На что наши буйные головушки	104
19. Не вечерняя заря, братцы, приутухла	104
20. При долинушке вырос куст калинушки	105
21. Близко, близко городочка	106
22. Как у нас было, ребята	107
23. Что по сеням было, сеням	108
24. Вы заводы ли, вы, заводушки	109
25. Разыгралась, разбушевалась Сура река	109
26. Мы пройдемте-ка, братцы, вдоль по улице	110
27. Ты, долина моя, долинушка, раздолье широкое	111
28. На долинушке выростал куст калинушки	112
29. Ой вы, доли мои, доли, доли подкошенные	112
30. Уж ты, Волга река, Волга матушка	113
31. Полелей, Волга река, круты берега	113
32. Уж ты Волга, Волга матушка	114
33. Вниз по Волге реке с Нижня-города	114
34. Вниз по матушке по Волге	114
35. Как по садику, по зеленому	115
36. Что пониже города Нижнего	116
37. Что повыше было села Лыскова	118
38. Ах ты, наш батюшка Ярославль город	119
39. Волга матушка шумят	120
40. Как сказали про мальчоночка	122
41. Растоскуйся ты, моя, ты, моя сударушка по мне возторюйся	123
42. Волга реченька глубока	124
43. Пропавшая дочь купца	125
44. Уж ты, степь, моя степь	126
45. По Волге вода разливается	128
46. Перепелка пташечка	129
47. По улице мостовой	131
48. Волга матушка родима течет	132
49. Ах, ты, Волга, ты, Волга	133

50. Ах, ты, Волга, ты, Волга	134
51. Загулял я, молодец, по низовой стороне	134
52. Загулял я, молодец, вниз по Волге по реке	135
53. Вот тебе, Волга-реченька	137
54. Ой, ты, Волга, Волга матка	137
55. Ой вы, грязи мои, грязи черные, разосенные	138
56. Отпущало, отпущало сердце матушкино	139
57. По ельничку, по березничку	140
58. Ах ты, Волга, Волга матушка	140
59. Вострепенется сокол, на дубу сидючи	141
60. Ой, нонче у нас субботня	141
61. Уж как видно это, видно	142
62. Как во городе во Саратове	143
63. Во городе во Саратове	144
64. Уж мы сядемте-ка, посидимте-ка	144
65. На той стороне Волги кукуют кукушки	145
66. Вдова баба солдатка	146
67. Их три сестры	146
68. Хороша, хороша Киприанова жена, невестка моя	148
69. Как во городе было Казани	148
70. На Волге	150
71. Ах ты Волга ли, Волга матушка	151
Пословицы и поговорки	153
Примечания	161
Словарь старинных слов	167

ПРОВЕРЕНО 48 г.

Редактор издательства И. Гупалов
Технический редактор Н. Дахин
Корректор В. Сас
Обложка и титульный лист худож.
Г. Русецкой
Заставки худож. А. Ларина

Сдано в производство 4/XII 1936 г.
Подписано к печати 27/II 1937 г. Тираж
5000. Формат бум. $62 \times 93 \frac{1}{20}$. Печати.
лист. $5^8/8$. Бум. лист. $2^{11}/16$. У-а. л. 9,75.
Знаков в п. л. 57600. Изд. № 122.
Инд. X-2в. Заказ № 8071. Уполномо-
ченный Обллита № А/21.
Цена 2 р. 90 к. Переплет 1 р. 10 к.

Типография Саратов. Облместпрома

